

The book cover features a man and a woman in a romantic setting. The man, on the right, has a dark beard and is wearing a dark green jacket over a black sweater. He has a serious expression. The woman, on the left, has blonde hair and is wearing a light-colored top with a patterned scarf and a white fur-trimmed coat. She is smiling and looking up at the man. The background is a warm, indoor setting with red curtains and a window. The title 'ЯНКА РАМ' is at the top in white. The main title 'ВЫЙДУ ЗАМУЖ ЗА СПАСАТЕЛЯ' is in large white and red letters at the bottom. Below it, 'ФИКТИВНЫЙ БРАК' is in white.

ЯНКА РАМ

ВЫЙДУ ЗАМУЖ
ЗА СПАСАТЕЛЯ

ФИКТИВНЫЙ БРАК

Янка Рам

Выйду замуж за спасателя

<https://litres.ru/74575768>

Аннотация

Если я не выйду замуж, моих детей отдадут под опеку их отцу. И я готова хоть за черта! Да только где его взять? Кто согласится связаться с женщиной с двумя дочками? Только мужчина, находящийся точно в такой же ситуации. - Кем работаете, Вера? - Книжки пишу... А Вы? - Спасатель. О-о-о! Мне очень нужен спасатель! - Добрыня, можно - Добрый, - с улыбкой протягивает мне свою огромную руку. - Два пацана, Мирон - восемь. Ярослав - четырнадцать. - Вера Пална... - пожимаю пальцы. - Ирочка - семь. Алина - четырнадцать. - А выходите за меня замуж?

Содержание

Пролог	4
Глава 1 - Мужчины	10
Глава 2 - Девочки	15
Глава 3 - Не девочка	20
Глава 4 - Как дома	27
Глава 5 - Удачно женился	32
Глава 6 - Терпимо	39
Глава 7 - По-братски	45
Глава 8 - Не корова	52
Глава 9 - Жених может...	59
Глава 10 - Не принцесса	66
Глава 11 - Карлсон	75
Глава 12 - Дружеская...	81
Глава 13 - Армагеддон	88
Глава 14 - Тусовочка ущербных	95
Глава 15 - Реанимация	102
Глава 16 - Магнит	110
Глава 17 - Конец света отменяется!	117
Глава 18 - Семейное утро	128
Глава 19 - Мальбертовна	135
Конец ознакомительного фрагмента.	137

Пролог

У кабинета в "Опеке" я жду свою очередь не одна. Рядом какой-то помятый, небритый, огромный мужик в хаки, кашпошоне, темных очках и синяком на скуле.

Опасливо оглядываюсь на него, ожидая, что с его стороны пахнёт перегаром. Тут всяких неблагополучных пруд пруди...

Принюхиваюсь.

Но пахнет от него не алкоголем, а костром.

Я и сама выгляжу как заправская алкашка, проревев всю ночь от беспомощности и обиды. С гулькой на голове и сером спортивном костюме, который мне благополучно забрызгал грязью таксист.

Из кабинета выходит Ольга Васильевна, которая занимается моей семьёй, с какой-то бумажкой в руках.

- Добрыня Никитич? - переводит взгляд с меня на мужика.

- Я, - сурово басит он, засовывая руки в карманы штанов и вставая в вызывающую позу.

- Добрыня?.. - стягивает очки пониже. - Имя такое?

- А чо не так?

- Хм... В общем, Добрыня Никитич, теперь вами заниматься буду я. Материалы я изучила. Хорошую характеристику дать не могу.

- Почему? - практически с угрозой.

- Старший - курит. Младший - хамит учителям и прогуливает. Устроил в школе ЧП. На собраниях вы не появляетесь...

- Да работа у меня! - возмущённо.

- Ремонт не доделали... Дети живут в неподобающих условиях.

- Доделаем мы, - морщится.

- А что с вашим лицом? - подозрительно. - Вы с похмелья?

- Нет. На вызове отравился угарным газом. По работе...

- Ну, Вы всё-таки принесите с работы характеристику тоже. Но это не главное. Главное, соседи пишут, что вы в ночные смены уходите, а дети - одни, без присмотра. Вчера, например.

Раздражённо делает глубокий, терпеливый вдох.

- Поэтому, я считаю, что надо отдать мальчиков матери. Жена ваша...

- Бывшая, - поправляет недовольно.

- ...В правах не ограничена. Постановления суда о том, с кем проживать будут дети у вас нет. А так как семья у нее теперь полная...

- Какая у нее "полная семья"?! - оскаливается он. - Дети с рождения со мной живут!

- Это вы нигде, к сожалению, не фиксировали. На алименты не подавали. Значит, и задолженности перед детьми у нее нет. А она теперь замуж она вышла. И имеет приоритет в глазах закона на опеку детей. Семья полная, мать - "в правах",

доход и характеристика хорошие, квартира трёхкомнатная.

- Охренеть!

- Ну... - разводит руками Ольга Васильевна. - Говорю как есть. Что ж Вы не женились, Добрыня Никитич? Сейчас бы и вопрос не стоял... А у вас старший на учете!

- Так... Драка! Пацан же...

- Воспитывать надо! Драка... Это что - оправдание? Мальчика избил.

- А надо было стоять, чтобы его "мальчик" избил?

Мне хочется пнуть ему по берцу, чтобы не спорил. В ними нельзя спорить, только каяться и обещать что больше ни-ни.

Почему-то я верю этому мужику, что отец он нормальный. А до него просто докопались, как до меня.

- Женились бы... Был бы другой разговор. Женщина, она всё-таки больше детям дать может.

Грозно открывает рот, чтобы выдать тираду.

Всё-таки, пинаю ему слегка, прокашливаясь.

Сдувается.

- Да, вашу мать... Самостоятельные у меня пацаны, ясно? И я их нормально воспитываю. Как мужчин. Точно, получше их матери.

- Ну, не знаю... не знаю...

- Ольга Васильевна, - выхожу чуть вперёд. - А мы?..

- Вера Пална, да? Для вас у меня тоже плохие новости. Младшая в очередной раз с травмой, так? Который раз за последний год?

- Ну что ж я сделаю, если она растяпа? Где мне ей индивидуальную службу спасения взять??

- Плохо присматриваете! А старшая фотографии голые в профиль соцсети выложила. Тоже растяпа?

- В купальнике!

- В купальнике - это на пляже, Вера Пална. А дома в кровати - это "голые". А ведь ей только четырнадцать, - осуждающе.

Прибыю заразу!

- Неудача к тому же.

- Только по физре!

- Не могу дать хорошую характеристику. Младшая в сияниях постоянно. С инспектором разговаривает через губу. На контакт не идет. Запугали ребенка?

- Я?!

- И зуб выбит. А в прошлом месяце глаз был, в позапрошлом ушиб... - читает с листочка. - Бьете?

- Господи! Нет, конечно! Она об стол ударилась.

- А у отца девочек, Анатолия Степановича, полная семья и своя квартира. Работа хорошая. Братьев и сестер стараются не разлучать. А там ребенок родился. Боюсь, что... прав у него на ваших девочек больше. Да и адвокаты у него посolidнее.

Его адвокаты - это мое фиаско.

- Но это мои девочки!

- Официально Вы не трудоустроены, доход подтвердить

не можете, своего жилья нет. Снимаете однокомнатную, по площади - не попадаете в минимум. Семья не полная. Пособия на детей не оформлены. Запаса еды в холодильнике нет.

- Мы заказываем!

Отмахивается.

- Был бы ещё муж работающий. А так... Шансов у вас мало.

Ольга Васильевна заходит в кабинет.

Да я за черта замуж готова, только где его взять?!

Мы медленно разворачиваемся с этим здоровенным, с подозрением оглядывая друг друга с ног до головы. Долго, до тошно, пытливо.

Снимает очки. Глаза красные, убитые.

- Кем работаете? - спрашивает требовательно.

- Книжки пишу...

- На дому значит? Подходит.

- А Вы?

- Спасатель.

О-о-о! Мне очень нужен спасатель!

- Добрыня Саянов, можно - Добрый, - представляясь, протягивает мне свою огромную руку с улыбкой.

Улыбка у него... ничего такая. Располагает.

- Два пацана, Мирон - восемь. Ярослав - четырнадцать. Зарплата белая. Не бухаю. Адекватный.

И подход деловой!

- Вера... - пожимаю пальцы. - Пална. Богомолова. Ирочка

- семь. Алина - четырнадцать. Не пью, не курю...

Ну почти.

- Сама себя обеспечиваю. Адекватная. Наверное... - задумчиво добавляю я.

Бывший утверждает, что таки с придурью.

- А вот это все про "бью" - поклёп! - обмахиваюсь, волнуясь, руками.

- Вера... А выходите за меня замуж? У меня огромный дом.

- Фиктивно? - по деловому прищуриваюсь я.

- Естественно! - басит, разводя руками. - Условия обсудим.

Господи, помоги, - крещусь я мысленно.

- Я согласна.

Глава 1 - Мужчины

- Батя, ты куда такой? - жуя наспех скрученную шаурму, обходит меня Ярый.

Поправляю перед зеркалом пиджак, оглядывая себя.

- Джинсы не узкие?

- Да вообще красавчик!

Пытаюсь застегнуть пуговицу на пиджаке. Я этот пиджак раз в пятилетку надеваю. Узковато в плечах. Раздался... Ладно, хрен с ним, не буду застёгивать и всё.

- Короче, пацаны... Мирный, глаза от экрана оторви. Дело серьезное.

Я - Добрый. А пацаны у меня - Ярый и Мирный. Оба в башню. Скуластые, крепкие, борзые. Только Ярый на самом деле вполне себе мирный и балагур, а Мирный - токс и вредитель.

- Чо? - поднимает Мирный взгляд от телефона.

- Скоро в нашем доме появятся ещё три человека.

- Интрига... - комментирует с набитым ртом Яр.

- Женщина, девушка и девочка.

- Ух ты ж! Моя, чур, девушка! Красивая?

Отвешиваю ему слегка леща.

- Даже думать в эту сторону не смей! Мы будем жить как одна семья. Девочки будут вашими сестрами. И хорошо бы имитировать длительное знакомство и вселенскую братскую любовь. Ну и, конечно, оказывать посильную мужскую под-

держку.

- В смысле - тетка какая-то к нам жить п'гидет?! - с ужасом и отвращением морщится Мирон.

Когда уже эту долбанную "р" освоит? Картавит до сих пор.

- Не тетка. А Вера Пална. И называть ее будете "мама". На людях, конечно.

- Бать, ты чо?.. - хмурясь, как на предателя смотрит на меня Яр, откладывая шаурму.

- Есть и альтернатива... - дёргаю с выражением бровями.

- Вас к себе по суду заберёт... мать ваша. И мамой будете называть маму.

Настороженно переглядываются.

- Чо это вдруг?!

- Опека считает нашу семью неблагополучной, - поясняю я.

- А чо не так? - быкует Ярик, засовывая руки в карманы и вставая в позу.

- Старший курит и дерётся. Младший просто отморозок. Я - плохой отец. Бросаю вас ночами на произвол судьбы.

- Да не курю я... Разок попробовал, - оправдывается недовольно Яр. - Спалили просто.

- Нда?

Открываю шкаф в прихожей, ощупываю его карманы. Довольно улыбается во все тридцать два. Пусто.

Но я же сам курю, а потому знаю...

Засовываю руку в карман, ловлю на дне высыпавшийся

из сигарет табак. Там всего ничего, несколько "крошек". Но каким-то образом всегда просыпается из пачки в карман.

- Это что? - показываю на пальцах.

- А-а-а... - бегут глаза по потолку в поисках правдоподобной версии.

- Короче, я тебе не тёлка по карманам твоим шариться, усёк? Ещё раз ответит тема курения...

Многозначительно с угрозой замолкаю. Потому что, продолжения я пока не придумал. Не лупить же? Несерьёзно это. Сам таким был, к тому же...

- Так вот. Опека намекнула, что если семья наша будет полной, то шансов отвоевать вас на суде будет сильно больше. Вера Пална согласилась нам помочь. У нее тоже сложная ситуация... В общем, мы фиктивно поженимся. Жить будем как соседи в общежитии. Но здесь, у нас. Соседи добрые! - с выражением наставляю я.

Переглядываются.

- Ну, Вера Пална, так Вера Пална, - покладисто кивают друг другу.

- Есть и неприятные нюансы. Вы переезжаете в одну комнату, освобождая вторую для девочек.

- Э-э-э! Есть же гостевая! Нет! Пап! - наперебой возмущаются они.

- Гостевая маленькая. Жить там будет Вера. А ее дочерям - вторая комната.

- А без этих... никак? - закатывает глаза Мирон.

- Язык придержи. Они не "эти". Они Ира и Алина. Ваши сестры на ближайшие два года, пока Мирону не исполнится десять. И он не сможет сказать свое мнение в суде - с кем ему жить. Усекли?

- Угу... - недовольно.

- Потерпите, в общем. И давайте, "камень, ножницы, бумага" - чья комната уходит в фонд девочек. И вообще... Мы же мужчины, девочек должны принять на пятерочку и быть джентльменами. Генеральную надо сделать.

- Ууу... - недовольно стонут они. - А ты куда, батя?

- А я заявление подавать.

- Она хоть зачётная? Вера эта твоя, - доедает шаурму Яр.

- Да добрая вроде. Книжки пишет.

- О-о-о... Творческая мать - горе в семье!

- Мать-шкура - это горе в семье. А книжки - дело хорошее, - тихо цежу я.

- Ну, так-то, да... - философски изрекает Ярик.

Мирон не помнит ничего, а Яр прекрасно помнит, как их мать себя вела. Бросала его по чужим людям, пока я на севере был, не кормила, лупила. Сама шлялась, бухала. Беременная... Мирон родился, я вернулся и забрал их. Ее выставил. Спустя годы типа "одумалась", привела себя в порядок, замуж вышла. Ещё родила. Иск в суд подала, что я детей похитил и препятствовал видиться с матерью несколько лет. Настраиваю детей против нее, сочиняю небылицы и внушаю их детям. Сука. Да только сейчас ничего не докажешь... Слово

против слова. А показания Яра не учитывают. Типа маленький был, не может помнить, да и я "настроил". Такая вот нездоровая херня.

- Собаку покормить не забудьте.

- Да он нам ногу отг'ызет, если забудем, - фыркает Мирон.

- Р-р-р-р! - напоминаю ему.

- А я может ф'ганцуз... - картавит он. - Чо вы меня пеге-учиваете? Это как его?... Негуманно.

- Тренируйся, сказал, француз! Тебе ещё психолога и социального педагога надо пройти. Скажут, что я тобой не занимаюсь. Все, пошел я.

- Удачи, бать, - пшикает один раз на меня парфюмом Ярик.

Там едва на дне. Сто лет ему уже... Как-то всё не до этого. На пацанов деньги нужны, на себя мало трачу. Дезодорант - и всё.

Шлепаемся пятюней со старшим. Мирохе взлохмачиваю шевелюру.

Главное, чтобы эта Вера не съехала... Одумается ещё. Ищи потом адекватную, мотивированную и чтобы была согласна на фиктивную историю.

Глава 2 - Девочки

- Алина, сядь и нормально поешь.

Борюсь вечно с ее диетами. Разве можно в таком возрасте?

- Я не голодная, - поправляет очки.

Выпросила дорогие фирменные. Модница...

Как отказать? И так все детство из-за этих очков комплексовала.

Скептически смотрит на меня, грызя яблоко. А я на неё.

Не выдержав, стираю пальцем ей телесного цвета помаду, накрашенную по-модному над губой и увеличивающую их до пресловутого “свистка”. А она и так пухлогубая.

- Алина... - ворчу я. - Это пошло. Не делай так!

- Пошло - яркой. Телесной - нормально. Сейчас красят так. Ты ничего не понимаешь!

- И брови! Боги бровей тебя точно уже заметили. Хватит их вызывать...

- А тебе бы не помешало, мам, вызвать немного богов бровей.

Прочитала бы нотации, но сама была такая... А была бы скромнее, может и не забеременела бы в свои шестнадцать. Сейчас зато я - серая мышь.

- Никакого макияжа в школу!

- Ла-а-адно...

Иринка, прыгает передо мной, пытаюсь посмотреть в вы-

соко висящее зеркало свой выбитый зуб. Один выпал сам, второй выбила. И теперь нет двух передних. Шепелявит...

Ростиком самая маленькая в классе. Я тоже такая была. Я и сейчас такая, чего уж...

Отодвигаю её от зеркала.

- Мама купи мне еще муравьёв? Эти кажется шдохли, - трясет свой "террариум" с муравьями.

Муравьи начинают бегать по стенкам.

- А нет... живые. Можно в школу взять?

- Нет!

Грустно вздыхает.

- Мам... Оденься нормально. Ходишь как лохушка... - разглядывает меня скептически Алина.

- Почему это как лохушка? Это дорогой кашемировые свитер.

- Как у бабки... - фырчит. - С твоей грудью и попой надевать свободные свитера - это плюс десять килограмм зрительно. Как будто у тебя там живот и бока. А тебе надо талию подчёркивать! Она у тебя офигенная. Каблуки надень и платье! То самое...

- Знаешь что... Я не на модный приговор еду.

- А куда ты, кстати?

Вздыхаю, печально усаживаясь на пуфик в прихожей.

- В общем, девочки... Папа ваш...

Замирая, разворачиваются, заглядывая мне в глаза.

- Папа ваш с его тетей Ниной подали заявление, чтобы им дали на вас опеку. Я, конечно, понимаю, что у него "условия" там... И денег больше... Режим...

Опускаю лицо в ладони.

- Мам, ты чего?! Мы не пойдем! Мы с тобой хотим жить, да, Ирыч?

- Куда пойдем? - не сообразив, испуганно шепчет Иринка.

- А у нас с вами нет "жилищных условий", вот. И белой зарплаты.

Хлопая глазами, растерянно переминаются с ноги на ногу.

- Мы не поедем к нему...

- К сожалению, это так не решается. Папины адвокаты найдут сотню доказательств тому, что я плохая мать. И фотки твои "голые" и Иришкины экскурсии в травматологию. И еще что-нибудь! Он ограничит меня в правах. А вас заберут к папе.

- Удалила я фотки!

- Поздно... Уже заскринили. А я тебя сколько раз просила - не выставляй фотки!

- Мы ему дом сожжем, да, Алиныч? - воинственно пошлепывает ступней по полу Иринка.

Они постоянно ссорятся между собой. Но стоит возникнуть внешней угрозе - "мы команда"!

- Ир! - жалобно смотрю на нее. - Ты вслух такого не скажи нигде! Скажут, что я тебя бандиткой воспитала. А у нас и так... предупреждение.

- Ладно... Я ему молча шожду. Нечаянно.

- Не надо ничего жечь. Я встретила одну семью в опеке. Папа там с двумя детьми. Мы договорились друг другу помочь. У них тоже проблемы... И вот, у них большой дом. У него хорошая официальная работа. Его зовут Добрыня Никитич...

- Гы... - хихикает Иринка, демонстрируя отсутствие двух верхних зубов.

- Ир! - строго смотрю на нее. - Короче, если мы сейчас договоримся о деталях, то переедем к ним. С Добрыней Никитичем мы фиктивно поженимся. И будем большой показательной семьёй для всех.

- Мда. Так себе план, мам. А долго? - страдальчески смотрит на меня Алина.

- Пока я не допишу серию, не заключу контракт с издательством на нее. Тогда у меня будет предварительный взнос и доказательства дохода. И мы возьмём квартиру в ипотеку.

- Короче, долго... А вдруг твой Добрыня неадекватный?

- Не пугай меня, я и так боюсь. Мне показалось, что он нормальный. Мальчишек сам воспитывает... В МЧС работает... Фундаментальный такой!

- Мальчишек... - морщится Ира.

- И я еду подавать с ним заявление... Если он не передумал, конечно.

- В этом рубище в Загс? - поднимает трагично дочь свои графичные модные брови.

Растопыривая пальцы в распальцовке, подносит к уху, как телефон.

- Алё... Мам... - шепчет мне, типа, отвлекаясь от звонка. - Звонили испанцы, сказали, что это не их стыд!

- Тьфу на тебя! Да разве об этом я сейчас должна париться?! - устало смотрю на нее.

- Мам... Ну ты же красивая!

- Когда-то была.

А сейчас я просто "печатная машинка витающая в облаках".

- Гульку свою распусти и глаза покрась хотя бы.

Отмахиваюсь.

Я едва на ногах стою от усталости. Какие "глаза"?

- Все, мне пора, - надеваю кроссовки.

Глава 3 - Не девочка

- Дальше не проедем, дорогу перекопали, - тормозит таксист перед развороченным асфальтом и грязевыми кучами.

Районный ЗАГС где-то дальше, судя по карте.

Выхожу из такси.

Холодно, слякотно. По асфальту размазана грязь. Кружится лёгкий снежок и тут же тает.

Кутаюсь в дутую безрукавку. Надо было куртку надевать.

- Мда.

Зябко вжав голову в плечи, пробираюсь мимо припаркованных машин.

Белые кроссовки очень быстро теряют приличный вид.

Смотрю с грустью на себя в отражение витрины. Тетка какая-то. А внутри я всё ещё девчонка... И даже не верится что моей Алинке уже четырнадцать. Куда исчезли эти годы??

- Эй, женщина? Не подскажите где ЗАГС?

Вздрагиваю с ужасом на это "женщина". Оно никак не примеряется мне. И если кто-то обращается так, каждый раз вздрагиваю. Мне кажется, буду вздрагивать и в сорок, и в пятьдесят. Я бы запретила на законодательном уровне такое обращение!

- Где-то там, - оборачиваясь, машу рукой в нужном направлении.

Какая красивая девушка. Яркая. Вся отполированная. Ху-

дая и высокая как модель. Ещё и на стальных шпильках. Безупречная просто!

Идёт впереди меня. Смотрю на нее снизу вверх. Впереди мелькает серое крыльцо ЗАГСа.

Ну, наконец-то.

Я вижу там широкоплечего Добрыню.

У девушки звонит телефон. На вызове:

"Теперь он пьяный по твоей вине... Царица, царица...".

Закатываю глаза. Весь образ сразу - в звезду! И она мне тут же перестает казаться безупречной.

- Да... - цедит. - А я, может, посмотреть хочу. Любопытно мне, да, на ком Саянов женится.

Поперхнувшись, запинаюсь.

И взмахивая руками, поскользываюсь в грязи. Станцевав что-то нелепое, отыскиваю наконец-то равновесие.

И, замерев, смотрю ей вслед.

- Ну, заявление подаёт. Не суть. Женишься ведь? - доносится уже издали. - Ну, ты и скотина, Саянов...

Замедляю шаг.

Что это было?!

Это не твое дело, Богомолова! Ты к его личной жизни ни отношения, ни доступа не имеешь. У тебя другая роль и цель. Забудь то, что подслушала!

Они ругаются на крыльце. А я, рдея от неловкости, поднимаюсь по ступенькам.

- Тихо! - рявкает он на нее.

Останавливаюсь рядом с ними, чувствуя себя гномом.

- Вера, здравствуйте, - нервная широкая улыбка.

Девушка медленно поворачивается.

- Здравствуйте... - измеряет меня ревнивым взглядом.

- Вы не волнуйтесь... - зачем-то рефлекторно пытаюсь сгладить я. - Мы с Добрыней Никитичем...

Бросаю взгляд на него. Можно говорить, что мы фиктивно? - дёргаю вопросительно бровью.

- А я больше не волнуюсь, - надменно и с пренебрежением смотрит на меня девушка. - Вижу, повода и действительно нет.

Ах ты... сучка какая!

Ноздри мои обиженно вздрагивают.

Герои моих романов, живущие в моей голове, тут же приходят с десятков дерзких и остроумных ответов. Но я только растерянно открываю и захлопываю рот, перепутав их всех.

А надо было надеть "то" платье, каблуки, глаза покрасить и волосы распустить! Так и сделаю в следующий раз.

- Вера... - подхватывая за локоть, Добрыня подтягивает меня к себе.

Сгребая за плечи, отправляет настойчиво вперёд, в открытую дверь ЗАГСа.

От этого мимолётного мужского объятия подкашиваются колени.

Когда к тебе последний раз мужчина-то прикасался? Три-четыре года назад?

Уж лучше не начинать считать!

Последнее мое эротическое переживание - это, пожалуй, когда моя куртка провисела рядом с курткой какого-то незнакомого брутального красавца. Кстати, похожего чем-то на Саянова. Он сегодня просто неотразим. Свежий и "с иголочки". Я рядом действительно как "лох"...

- Вера, извините за это недоразумение. Надеюсь, оно никак на Ваше решение не повлияет.

- О, нет. Не повлияет. "Нас невозможно сбить с пути... нам пофигу куда идти!" - ухмыляюсь, пытаюсь вернуть себе крохи самоуверенности.

- Наш человек! - протягивает свою огромную пятерню Добрыня.

Шлепаю по-свойски ему "пять".

Но лицо мое полыхает...

Кладет мне руку между лопаток, заводит в кабинет.

Мы заполняем заявления, заглядывая в свои паспорта.

Я от волнения порчу уже второй подряд бланк, смущённо прошу ещё один.

Работник ЗАГСа не раздражается. С умилением, протягивает мне ещё.

Она - знакомая Саянова. И говорит с ним... словно он врач, спасший жизнь. С уважением и желанием угодить.

Спасатель... - напоминаю я себе. Наверняка, оттуда и знакомы.

- Ой, какая невеста у вас хорошенькая...

- Да, - улыбаясь, продолжает писать Добрыня.

Распахиваю глаза, на всякий случай оборачиваясь, вдруг эта девица зашла в открытый кабинет.

Но нет... Женщина явно про меня. Подозрительно кошусь на нее, заполняя очередной бланк. Наверное, просто из вежливости...

- А зовут?

- Верочка... - басит он.

Стукнув неровно, мое сердце ускоряется. "Верочка". Муж мой бывший нашел такое отвратительное ласкательное к моему имени, что я разлюбила его навсегда - он обращался ко мне "Верунь".

А Верочка из уст Добрыни - это... хорошо.

Мечтательно вздыхаю.

И тут же осаживаю себя: любоваться можно, очаровываться - нет. Это не роман. Это - контракт. Возле него вон какие хищницы отполированные крутятся - стройные, высокие, молодые. Я там априори неконкурентна.

- Ещё и левша, - наблюдает работница, как я пишу. - Творческая натура. Вы чем занимаетесь, Верочка?

- Аа...

- Писатель, - вперёд меня гордо выстреливает Саянов.

- Вау! Вот это да. Впервые вижу живого писателя. А про что пишете? В каком жанре?

- Разное... - кручу неопределенно пальцами. - Так... пробы пера.

Не говорить же, что "Звездный трон" под мужским псевдонимом? Если армия поклонников серии узнает, что я женщина... Это будет провал!

- Может вас на зеркальную дату поставить? Я как раз местечко поберегла одно. Для своих.

- До зеркальной далеко. Нет ли возможности пораньше?
- просит Добрыня.

- Насколько пораньше?

- Да хоть вчера... Мы без церемонии. Распишемся и все.

- А-а-а! Так вы беременные?! - радостно.

Не успеваю отрицательно качнуть головой, как Добрыня сжимает мою руку лежащую на столе.

- Да! Ждём пополнение.

Оу. Ладно. Натягиваю умильную улыбку. Беременные - так беременные.

- Поздравляю! Не надо без церемонии. Такую красавицу без платья оставить - это кощунство. Фотографии к тому же!

- Фотографии... Да, кстати... - задумчиво чешет он щеку.

- Это ведь на всю жизнь потом. Да и родственникам отправить... У меня послезавтра пара отказалась. Я вас поставлю. Успеете? А документы вам чуть позже выдам.

- Успеем, - решительно кивает он. - Только мы без гостей. Вы нам фотографа дайте своего.

- Все сделаем в лучшем виде, Добрыня Никитич. Не сомневайтесь.

- Без фоток неправдоподобно как-то, да? - шепчет мне. -

В соц сетях хотя бы выставим.

Заговорщицки киваю в ответ.

Отдав заявления, выходим.

Спускаемся по крыльцу, обсуждая детали.

- ...Кольца предлагаю купить из белой керамики. Не траться же на золотые. А керамика - стильно. А на эти деньги лучше детям праздник устроить. И обои поклеить. Чтобы комиссии не к чему придаться было.

- Вера, я вас уже люблю! - прижимает ладонь к сердцу.

- Я такая... - смешливо морщит нос.

Опять забывая, что я совсем уже не девочка.

Эх...

Глава 4 - Как дома

Съехали мы сегодня поспешно. Чтобы не платить за только начатый месяц. Хозяйка нашла новых жильцов, им нужно "прямо сегодня".

И вот с сумками и коробками стоим у ворот чужого дома. Водитель такси помог выгрузить.

А дома никого нет, мы приехали раньше на пару часов.

- Ну ма-а-ам... Я голодная... - канючит Иринка.

- Придется потерпеть.

Алина инспекторским взглядом оглядывает дом.

- Как фамилия то у них?... - переспрашивает опять Алина.

- Саяновы. Добрыня Никитич, Ярослав и Мирон.

- Мирон... - фыркает, хихикая Иринка.

- Ира!

Закатывая глаза, демонстративно вздыхает.

Из-за поворота вываливает толпа парней. Хохот, сигареты, матерные междометия...

- Что за гопота? - цедит Алина.

- Ну всё, пацаны, давайте, - шлёпает по рукам остальным один. - До завтра.

- Не пойдешь на тренировку?

- Неа, у нас сегодня нашествие самок Бого... - замечая нас, замирает.

Не выдохнув до конца дым, сжимает губы. Прячет руку с сигаретой за спину.

Мучительно кашляет с закрытым ртом, из носа порциями выпускает остатки дыма. Как подавившийся дракон. Дракоша. Юный и хорошенький. Хоть и выглядит старше своих.

- Самки богомола, значит? - с претензией уточняя, ставит руку в бок, Алина.

- Здравсьте... - выдавливая из себя парень, проезжаясь рукой по своей темной шевелюре.

Сигарета падает за спиной на землю. Делает незаметный шаг назад, наступая на нее.

- Спалился! - злорадно высовывается вперед Иринка.

Он переводит на нее взгляд, дёргая уничижительно бровью.

За капюшон отодвигаю ее за спину.

- Здравствуй... Ярослав, наверное?

- Да.

На папу похож. Брови, глаза...

Бросаю подозрительный взгляд на Алину.

Ещё здесь нам проблем не хватало!

Но она, надменно выпендриваясь, рассматривает свой маникюр, не обращая на него больше внимания.

- А Вы?... - мучительно вспоминает.

- Вера Пална. Богомолова!

Фамилию-то ты точно запомнил.

- Ааа... Да. Отец говорил.

На щеках Ярослава расцветает румянец. Парень неловко переминается с ноги на ногу.

- Так... - миролюбиво поднимаю я руки, пытаюсь немного снять напряжение. - Мы пораньше приехали. Так вышло. А Добрыня Никитич не отвечает...

- Он на вызовах не всегда может ответить. Пойдёмте... Но у нас собака. Надо его прицепить пока. Он только отца слушается.

Ярослав уходит первым, через минуту открывает нам.

Поднимаю сумку и беру чемодан на колесиках за ручку.

- Давайте, - забирает у меня сумку в одну руку.

Протягивает руку за сумкой Алины.

- Обойдусь.

Пожав плечами, поднимает с коробки рюкзак Иришки закидывает за спину и на плечо ставит саму коробку, придерживая ее рукой.

Мы с остальным нашим скарбом идём следом.

Навстречу нам с тихим рычанием в развалку выходит белый, подпалый алабай! Его цепь натягивается.

- Тихо! - вскрикиваю я, пытаюсь спрятать за спину своих детей.

- Барс, место! - встаёт перед ним Ярослав. - "Свои".

Пёс нюхает воздух, скаля зубы.

- Место, я сказал!

Саянов предупреждал о собаке, но такая!!

- Как же мы будем мимо него ходить?!

- Да он нормальный. Отец ему скажет, что "свой".

Поднимаемся на крыльцо, заходим в дом.

- Ну вот... - разувшись, разводит руками Ярослав. - Проходите.

Прохожу, оглядывая наши новые хоромы. Дом новый, большой, пахнет хвоей. Стены изнутри обиты древесной плитой.

Над кухней-гостиной "второй свет" - потолок метров шесть. Наверх деревянная лестница и две комнаты.

- Наша. Ваша. Наша. Ваша. Располагайтесь.

Показывает Ярослав на комнаты. Сбегает наверх, заходит в комнату.

Мы дружно выдыхаем.

- Самки Богомола?! - шипит разгневанно Алина. - Он охренел!

- Это просто была плохая шутка. Не надо так реагировать.

Значит, будем вместе жить. Поправляю мужскую рубашку, висящую на стуле, как на плечиках. Вытаскиваю из коробки нашу музыкальную колонку.

- Охосебе... - бормочет Иринка, снимая с полки огромный корабль из Лего.

Произведение искусства прямо!

Он, вдруг, раскалывается в ее руках пополам и частично осыпается на пол.

- Ой... - испуганно застывает она.

Шлепаю ладонью себе по лбу, оседая на стул.

– Я неспециально! - шепчет Иринка, отодвигая ногой под шкаф запчасти. И ища взглядом куда сунуть останки.

Добрыня звонит.

– Да?

– Вера Пална, у вас все в порядке?

– Ага...

– Располагайтесь, почувствуйте себя как дома.

– Уже.

– Я только прошу не трогать Лего Мирона. Он очень ревнив к своим конструкциям.

– Нет проблем!

– С чем купить торт?

– С транквилизаторами.

– Смешно!..

Очень.

-- Я Мирона заберу и приеду.

-- Ну что... - перевожу взгляд на девчонок. - Чего застыли?
Собираем корабль...

Глава 5 - Удачно женился

- Привет, Аделина. Рапорт... - кладу ей на стол. - Три дня, в связи с...

Разосрались вхлам вообще, после ее выступления у Загса. Не разговариваем до сих пор.

- Помню я в связи с чем!

- Прекрати. Я объяснился.

Аделина - секретарь нашего шефа. И замутили мы с ней на корпоративе.

Красивая девка, но как оказалось... "не орел". Разучился я влюбляться. Слишком взрослый уже дядька для этого. У меня других забот хватает, некогда по юбкам страдать.

- Ты хоть понимаешь, в каком свете меня выставляешь, Добрый? Все же в курсе, что мы вместе.

- Значит, так. Официально мы теперь не вместе. В остальном - всё также. И чтобы больше ни одного телодвижения в сторону Веры Павловны, ясно? Не буди во мне Ктулху!

- Да поняла я... - дёргает на себя рапорт. - И чем ты три дня собрался заниматься с этой...

- Обои клеить! Хочешь помочь?

- Не-а. Я лучше - с девочками в на базу отдыха, в Спа.

Смотрится в зеркало, поправляя волосы.

- Слушай, Саянов, а чего ты их матери не отдашь? Она их через полгода сама тебе вернёт. Дети - это же быть вечной

прислужбой!

Вот и поэтому тоже, более серьезные отношения с Аделиной никогда не получатся. Она - чайлдфри. А я отец двух бандитов, которые не доверяют женщинам. Спасибо их мамаше. И надо дохуя терпения и высокую мотивацию, чтобы с ними поладить.

- Отдай... Отдохнем хоть вдвоём.

- Они чо, блять - улитки? Отдай и жди когда наиграется и вернёт. Они же дети. У них есть свой взгляд на ситуацию. Свое видение - как должно быть. Свои страхи, в конце концов... Она их предала! Я им родной, а она давно нет. Дети должны жить с родным человеком.

- Полгода всего!

- Слышишь... а давай я тебя отдам? Куда-нибудь в Афганистан. На полгода всего!

- Ну ты сравнил!

- В смысле?? - зверею окончательно.

- Ладно... Ладно... Чего завелся? Она им мать всё-таки, не чужая тетя.

- Тебе, Аделин, какое дело вообще? Я же тебя в няньки не привлекаю.

- Да просто... Я такая красивая у тебя... - улыбаясь, строит глазки. - А работаю как некрасивая.

- О-о-о... Извини, дорогая, это не ко мне, - развожу руками. - Ты про меня все прекрасно знала на старте - и про детей и про финансы. У меня есть только я. И то - изредка. И

я могу тебя изредка "погулять", но содержать - нет.

- Нет в жизни совершенства... - цинично цокая.

- Согласен.

- Приедешь сегодня? Нянька же теперь есть...

- Лина... - предупреждая качая головой.

- Уже и сказать ничего нельзя!

- На созвоне.

Еду за Мироном.

Первоклассников одних не выпускают. Хотя и до дома от школы совсем недалеко. Поэтому, Мирного забираю либо я, либо Ярик. Можно написать разрешение, чтобы он ходил сам. Но... во-первых надо переходить широкую оживленную дорогу, а во-вторых, этот факт тоже вызовет вопросы на суде, если всплывёт. Что ребенка некому со школы забирать. Поэтому, изворачиваемся как можем.

- Пап, ну чего так долго?? Я есть хочу.

- Задержали.

- А эти... приехали уже?

- Не эти, а Вера Пална с дочерьми.

Мирон дуется, что именно его комната отошла в фонд девочек.

- Ты сказал, чтобы не трогали моё Лего?

В комнате Ярика места конструкциям Мирона не нашлось, пришлось спустить в кухню-гостиную.

- Конечно. Ты стих рассказал?

- Нет...

- Почему? Ты же выучил.

- Он гадский. "Я пгоснулся утгом гано, на погтфель свой сгазу глянул..." - декларирует ядовито, с пафосом.

- Ясно.

На светофоре читаю в родительском чате выволочку от учителя - что Саянов опять не готов. И "вообще, дома кто-то занимается ребёнком?". А на уроке математики громко пел "Тридцать три коровы", смешил одноклассников и сорвал урок.

Представляю песню в исполнении сына. Смешно...

- "Тридцать три коровы" тебе не стремно петь, а стих стремно рассказать?

- Там в задаче было тти коговы. Было смешно!

- Балбес...

Вздыхаю. А у учителя ведь будут характеристику брать!

Паркуюсь у дома. Мирон забирает огромный торт с зефирными смешариками, а я его рюкзак и пакет с продуктами.

Глажу между ушами Барса.

- Посиди пока привязанный, ладно?

Отдаю ему вкусняшку из кармана.

По двору иду с лёгким нервозным ощущением внутри. С женщиной я не жил очень давно. И уже забыл, как это - делить одну территорию. Ведь у нас свои правила, а у них наверняка свои.

А вообще, Вера - классная.

С одной стороны - своя в доску, с другой - такая женская робость, что ли... Как у девчонки. Мне она сначала показалась старше, там, в Опеке. А в загсе рассмотрел - молоденькая совсем, крошечная. И сейчас эмоции рождаются к ней, даже больше опекающие, чем партнёрские.

Мне бы хотелось, чтобы для нее это всё было не в напряг. Заходим в дом.

За столом девочки, застыв, с ужасом поднимают на меня глаза.

Перед ними расколотый пополам корабль Мирона.

Торт из его рук летит на пол. Бьётся краем пластиковой коробки. Декор весь - в кашу.

- Па-а-ап!! - возмущённо вскрикивает он.

- Спокойно! - держу его за плечо. - Наладим.

- Он упал... - прикусывает губу старшая.

- Мы не виноваты! - добавляет младшая с вызовом.

- А Вера Павловна где?

- Сейчас приедет.

Мирон сердито тянет к себе корабль на другую сторону стола.

Запыхавшись, с улицы залетает Вера. С большой коробкой в руках.

- А вы уже пришли? - растерянно. - Мирон, это я уронила. Вот... Не вели казнить, вели миловать, я тебе другой набор купила!

Протягивает ему.

- Вера, ну зачем Вы, не нужно было, - хмурюсь я.

- Нужно! - ворчит Мирон.

Забирает из ее рук, смотрит на картинку.

- У меня такой есть! - обиженно.

- Оу.

- Так! Мирон к себе. Потом поговорим. Девочки тоже могут пойти посмотреть комнату пока. А мы накроем ужин.

Дети смываются.

- Не расстраивайся, Вера Пална, - чуть прижимая, растираю по-дружески ее плечо. - Набор поменяем. Корабль починим. Детей помирим. Обои поклеим.

Тяну ей пять. Шлёпает.

- А транквилизаторов я нам купил. Утрамбуем их и посмотрим кинчик какой-нибудь.

Достаю большую пачку отличного попкорна.

- Солёный или сладкий?

- Солёный конечно!

- Наш человек...

Поднимаю с пола коробку со смятым тортом. Сдвигаю на столе ещё одну какую-то, чтобы освободить место.

- Так, а это что у нас?

- Так, ерунда... - занервничав, начинает быстрее разбирать пакет.

- О-о-о! Плейстешн! "Четверка"! Неожиданно...

- Ой, Вы только не подумайте, что я... - бормочет что-то.

- Предупреждаю сразу - будет очередь. Ну, класс. А моя

“тройка” три года назад наверху. И все как-то не до покупок было. Дом строил. В общем, я в деле. Боюсь, что пацаны тоже.

- Отлично, - оживает она. - Будем шантажировать детей.
"Распределяй ресурс и властвуй!"

- Гениально. А для суровых дядек что-нибудь годное есть на ней поиграть?

- "ГудВар", "Ведьмак"... - играет бровями.

- Вот это я удачно женился! Вера Пална, я Вам уже говорил, что влюблен? - ложкой собираю крем с пластикового купола от коробки.

- Ах, оставьте, Добрыня Никитич, - хихикает она, обмахиваясь пальцами. - Какая любовь в наши годы?

- В твои-то? Ха... Какие там у тебя годы, салага?

Скармливаю в игривом порыве ей крем, засовывая ложку в рот.

- Вкусно?

Смутившись, улыбается, облизывая испачканные губы.
Мычит что-то...

Хорошенькая!

Глава 6 - Терпимо

Торт прямо кашей разложен в привезенные Верой маленькие вазочки для десертов. Сверху в каждой - по смешарику. Можно сказать - спасён

Вера режет салат, я делаю плов.

Младшие тихо, но яростно делят приставку.

Старшие - сидят за столом в телефонах.

Вера, застыв с ножом, хмуро тыкает пальцами по экрану, переписываясь с кем-то.

С кем?..

Нет, я конечно, не собираюсь нос совать в ее личную жизнь. Но знать-то о ней должен, чтобы избежать всяких неожиданных ситуаций, да?

- Алин, папа тебе звонит, говорит ты не отвечаешь.

- Мам, скажи, что я уснула, ладно?

- Ладно...

- Ира! С папой будешь говорить?

Младшая застывает. Отрицательно машет головой, округлив глаза.

Меня это дёргает, конечно. Так как сразу же проецирую на себя эти отказы.

Вера пишет голосовое:

- Алина уснула, Иринка купается. Давай, завтра, хорошо.

Отодвигает телефон.

- Чего так? - тихо спрашиваю у нее. - Обижал их?

Задумчиво крутит в руке нож. А ножи у меня очень острые. Вытягиваю аккуратно из пальцев.

- Он... их душит. В переносном смысле, конечно. Нотации, критика... Очень тяжёлый человек. А они... дети.

- Ну, а в остальном? Любит их?

Вздыхает.

- Понял. Не лезу.

- Да нет... Просто однозначно не скажешь. По-своему - да. Но это "по-своему" редкий человек вынесет.

А ты значит не вынесла? Ну... не осуждаю, наверное.

- А забрать почему хочет?

- Во-первых, я - "плохая мать и распустила детей, не занимаюсь ими" и его новая жена справится с воспитанием детей лучше. Во-вторых, деньги, недвижимость... У него значительно вырос доход, и он должен отдавать весомую сумму. И на девочек оформлено наследство его бабки. Если она умрет, в мое распоряжение попадет та недвижимость, на которую он претендует. Бабушка плоха, и он активизировался. Ну и в-третьих, не может мне простить, что я ушла и ищет способы как наказать. Этот - единственный чувствительный для меня.

- Ясно...

В общем-то, самая банальная история. От этого не менее гадкая, конечно.

Достаю из холодильника, огромный шмат мяса со шкурой

килограмм в семь.

Кладу на стол. Надо разобрать на запчасти и заморозить уже порезанное.

Пока несу овощи, Вера берет большой нож и двумя руками, с яростью, всаживает со всей силы в кусок туши.

От удивления роняю овощи из рук.

Довольно сдувает с лица выбившуюся прядь волос.

- Вера?.. Ты меня пугаешь!

- А-а.. - прикусывает губу. - Это эксперимент.

Поднимаю овощи.

- Какой эксперимент?..

- Авторский. У меня в книге эпизод... Там герой прокалывает ножом животное. Я боюсь описать неправдоподобно. А тут такой случай! Ну и вот...

- Ясно, - улыбаюсь я. - Ну и как ощущения?

- Боюсь, что одной рукой в движении маловероятно проткнуть, - вздыхает она. - Придется переписать сцену.

- А ты молодец, Вера Пална... А то сейчас как понапишут ереси! Рукалицо просто.

А эротику Вы Вера Пална не пишете. Там тоже с экспериментами можно зайти... - хочется пошутить мне.

Но не позволяю себе. Нам ещё долго "дружить". Лучше границ со скабрёзностями не переходить.

Кошусь на Ярого. Потому что он косится на Алину. Девочка красивая, принцесска... И я что-то немного напрягаюсь. В этом возрасте мозгов-то вообще нет.

- Что? - поднимает она на него недоброжелательный взгляд.

- Что? - меняя позу начинает бычить.

- Хватит пялиться.

- Гонишь, что ли? Задумался просто...

- Ну да.

- Пф... - закатывает глаза. - Тоже мне, мисс Вселенная.

- Ну и не смотри тогда!

- Ну и не смотрю!

- Брейк! - торможу их перепалки.

Перед каждым кладу по доске. Алине - морковку, Ярику - лук.

- Работаем.

- Я не могу, у меня ногти! Дорогие! - растопыривает показательно пальцы. - К тому же я плов не буду.

- Почему?

- Я мясо не ем.

- Ну вот, здрасте!

- Ой, надо же Цаца какая... - забирает у нее морковку

Ярик. - Ну и сиди голодная.

- Яр... тормози.

- Ну а чо?... - ворчит он.

- А что ты ешь? - интересуюсь у Алины.

- Салат поем и авокадо.

- Бутерброд с лососем будешь?

- О, это уже - да! - загораются ее глаза.

Достаю ей банку соленого лосося.

- Сам солил! Только бутеры делай всем.

Закатывает глаза. Но оттопыривая пальчики возится с рыбой. На хлеб мажет авокадо, кладет красивые тонкие кусочки рыбы, сверху зелень.

У приставки яростное перетягивание джойстика.

- Отдай! Это наша! - тянет Ира.

- Моя очередь! - бьет ее по руке, отбирая Мирон. - Теперь общая!

- Тогда и конструктор - общий!

- Нет!

- Эй! Ребёнки! - рывкаю на них.

Пульт с грохотом летит на пол и подскочив, замирает.

- Так, наигрались на сегодня.

Выключаю приставку.

Нахохлившись сидят на диване. Шипят друг на друга.

- Дурак картавый...

- Дура шепелявая!

Философски вздыхая, переглядываемся с Верой.

- Терпимо, - констатирую я.

- Некритично, - соглашается она.

Стукаемся сжатыми кулаками.

Дотягиваюсь до ее лица, стирая у виска крем от торта.

- Ой... - замирает она.

- Крем... - рефлексивно облизываю палец.

Неловко замираем.

И поспешно каждый принимаемся за свое дело.

Надо как-то... спокойнее, Саянов. Чего ты как дикий?

Глава 7 - По-братски

Дети спят, мы, развалившись на модульном диване, шпилим на приставке. Во Властилина колец. В команде.

Оба - в широких теплых толстовках и таких же штанах. В гостиной всегда прохладно. Надо обшивать дом. Но то некогда, то не на что. Проза жизни...

Теплые костюмы у нас как оказалось одного цвета - черно-серые.

И мы как два рэпера в оверсайз. В капюшонах. С попкорном.

Кайф, вообще!

- ВерПална, скинь по-братски стрелы, я подберу.
- У меня мало.
- Давай-давай...
- Все равно стреляешь криво. Посох держи. С файерволами. Ими сложно не попасть.

Шпилит она - дай Бог! Профи...

- Добрыня Никитич! Ну ты чего?? Тыл прикрывай!
- Поздняяк, меня уже грохнули.
- Салага... - дразнит меня Вера. - Сейчас оживлю, погоди, только орков добыю.
- Бутер хочешь?
- Не могу...
- Да я тебя покормлю по-братски, открывай рот.

Даю ей откусить. И в этот момент ее убивают тоже.

Жуя, возмущённо мычит на меня.

- Давай ещё разок.

Пока игра перезагружается, она зевает и закрывает глаза.

Диванная подушка немного сползает, и она с ней.

Улыбаясь, медленно тяну подушку ниже. Вместе с вырубившейся Верой.

Сворачивается калачиком и сопит. Капюшон съезжает назад. От ее ещё влажных после душа волос пахнет детским шампунем со вкусом жвачки. На скуле яркая родинка. Как мушка. Над бровью тонкий шрам. На виске - оспинка.

Ресницы подрагивают.

"Что тебе снится, крейсер Аврора?"...

Серьги у нее какие-то необычные.

Стараясь не разбудить, не касаясь сдвигаю прядь волос, чтобы разглядеть.

Ярко рыжие лисы из серебра и керамики.

Забавная!

Навык вставать так, чтобы не потревожить спящего, я отработал ещё с Мироном. Уложить его было большой проблемой.

Напрягая пресс, медленно поднимаюсь.

Иду за маленькой бутылочкой пива. Свежим, крафтовым, нефiltroванным. Хочется отполировать происходящее до совершенства.

Все-таки, Саянов, домашняя ты животи́на, не ди́кая.

Тело, конечно, периодически приходится выгуливать и плясать все эти танцы с бубнами - рестораны, клубы, красивые ужины... Но все равно полностью расслабиться вне дома никогда не получается. Потому что одной половиной мозга ты всегда с детьми и всегда на старте - а вдруг что-то...

А вот дома. Дома - это кайф.

И вот вроде женщина посторонняя. Но сразу дома чувствуется уют. И совсем другая энергетика.

Вообще, у меня с женщинами всегда напряжёнка - я в свое пространство не впускаю. Боюсь, что не полюбит искренне моих пацанов. Или, ещё хуже, пацаны привыкнут к ней, привяжутся, распробуют полноценную семью, а потом что-нибудь не так, и мы разбежимся. И она ведь стопудово потом не будет с чужими детьми общение поддерживать просто из доброты душевной. Не верю в такое. Вообще в женщин не верю... Они все хотят, чтобы любили их и их детей, а вот принять моих - хрен. А перебирать баб у детей на глазах я не хочу. У них и так образ женщины "хромой".

Поэтому дети направо, бабы налево!

А Вера не совсем "женщина", она партнёр. Надеюсь, в будущем, друг. Решим свои задачи, будем семьями дружить. Лепота! Тут все честно и не травмирующе. И для нас и для детей.

Закрываю Веру пледом. Будить не хочется. И также медленно и мягко сажусь на свое место. И продолжаю играть дальше.

Тихо, все - "по полкам" и под контролем. Можно расслабляться...

Просто дзен какой-то.

Поспешно хватаю позвонивший телефон.

- Да? - тихо отвечаю.

- Добрый, ну ты где?

Аделина.

- А-а-а...

Приглашала же.

Меньше всего хочется сейчас пилить через весь город, чтобы потрахать и уехать обратно. Устал, во-первых, во-вторых, эмоций и так дохрена... А в-третьих, слишком тут кайфово, чтобы срываться.

- Извини, никак.

- А что такое? - ядовито.

- Не могу говорить. Перезвоню.

Делаю глоток, съезжаю пониже, тоже заваливаясь головой на край большой подушки, на которой спит Вера.

Вращая джойстиком и щёлкая по кнопкам, преодолеваю очередной уровень игры... Глаза слипаются.

Не замечаю, как вырубает.

Сквозь сон слышу - сообщение на телефон.

Сонно щурясь, поднимаю над лицом телефон, открывая сообщение.

Ощущаю, что теплая нежная щека Веры прижата к моей. Мы лежим вверх тормашками друг к другу на одной подуш-

ке. Закинув ноги на подлокотники, каждый со своей стороны.

В сообщении - нюдсы от Аделины. Весьма пошленькие. Пряма на грани порно...

Но нет, нет... Не сегодня. Сегодня - нежные щеки...

- Ой, я уснула здесь.

От понимания, что Вера сейчас скорее всего видит экран моего телефона, дергаюсь в попытке выключить экран и, одновременно, опустить телефон.

Но скользкий тяжёлый гад выскальзывает из моих не проснувшихся до конца пальцев.

И...

- Ай! - жалобно вскрикивает Вера от удара.

- Бля! - подлетаю я, переворачиваясь.

Она прижимает ладони к лицу.

- Твою ж мать! - прижимаю свои ладони поверх её. - Верочка, прости!

- У-у-у... - жалобно.

- О-о-о... - мне капец как стрёмно.

Представляю как это больно и неожиданно!

У меня увесистый телефон в металлическом корпусе.

Мягко убираю ее руки, просто взрываюсь внутри от ощущения и чувства вины.

Словно ребенка ударил, блять!

Губа в кровь. На глазах слезы.

- Черт!

Смещаю пальцами аккуратно губы, проверяя, не сколол ли зуб.

Жалобно хихикает, шмыгая носом.

- Вер... - прижимаюсь своим лбом к ее. - Прости кретина.

- Прощаю, - мычит невнятно, всасывая разбитую губу. -

По-братски.

Рефлекторно хочется целовать в эту губу, чтобы "пожалеть" как ребенка.

- Завтра же свадьба, - шипя трогает пальцами губу. - Как я пойду?

- Как Анджелины Джоли. Будешь самая модная!

Закатывается, хихикая со стонами ещё истеричнее.

- Сейчас полечим.

И я суечусь с антисептиком, льдом, обезболом.

- Ну как ты? - сажусь напротив, заглядывая в глаза.

- Я вот думаю...

- М?

- А как вы деретесь? Вот, описание драк... - бродит задумчиво взглядом по потолку, - драки в фильмах. Обмен десятками ударов... Достаточно же раз попасть, и ты полностью дезориентирован.

- Да кино это всё, Вер. Так и деремься, до первого серьезного попадания кулаком. А кто-то и от леща с копыт слетает. А так - возня, просто...

- Ясно, - прищуривается задумчиво. - Нужна броня, значит...

- Тебе-то зачем?

- У меня просто есть герой...

Герой у тебя есть?.. В плане - мужчина??

- ...задиристый. В книге! - поясняет она.

- А-а... - почему-то выдыхаю я.

Встречаемся взглядами. Зависаем. Глаза какие... выразительные.

Как спросить: есть мужчина или нет?

Так и спроси, Саянов!

Сейчас как-то неоднозначно это будет выглядеть, да?

Какой у нее мужик интересно, что позволил ей с другим жить? Разве так бывает? Это же гарантированная измена.

Так, Саянов! Никаких! Все чисто по-братски. Не порть рабочий вариант!

- С авторскими экспериментами на сегодня заканчиваем, - взмахивает руками Вера, неловко улыбаясь. - Я спать. Завтра уеду рано. Сначала девочек - в школу. Потом в салон заскочу. Встретимся в ЗАГСе...

- Мхм. Сладких.

После свадьбы спрошу - что там за мужик...

Глава 8 - Не корова

Мы едем на такси в старую нашу школу. Девочки учатся там последнюю неделю, потом переводится в школу, которая рядом с домом Саяновых.

Алина говорит по телефону с отцом.

А я пишу главу в телефоне в "блокнот".

- Да я поняла, пап... - уныло. - Да все поняла... Да не красюсь я в школу...

Поправляет в зеркальце покрашенные ресницы.

- А я хочу ногти! У меня есть свое мнение на этот счёт. Спасибо за подарок... - недовольно. - Но я уже не ребенок, пап. Я отдала его Ирычу. "Ирине", да...

Подарил Алине набор для собирания браслетов и фенечек. Лет в одиннадцать-двенадцать она бы оценила. А сейчас... я ей ещё на новый год купила золотой тоненький браслетик. Анатолий никак не желает принимать, что она уже девушка.

Впрочем, он ни в ком не хочет принимать все, что ему неудобно.

- Да нормальным тоном я говорю! Я не могу сегодня. У меня уроки. А потом... Мы не можем. Мы отмечаем свадьбу. Вынырываю из текста.

- В смысле - какую? Мамину...

- Алина - нет! - шепчу ей с первого сиденья, оглядываясь.

- В смысле - нет?! - закрывает телефон. - Я думала в этом и суть нашего переезда. Чтобы все знали, что ты замужем.
- Да, но нет! Не сегодня! Уже по факту - знали.
- Поздно.

Возвращается к разговору.

- Мы к маминому мужу и переехали. Пап... Пап. Пап! Мама скинет тебе наш новый адрес. Я его не знаю. Мне пора, пока...

Вздыхаю.

Сейчас начнется вынос мозга.

На вызов не отвечаю. После третьего - ставлю на беззвучный режим.

Телефон пиликает сообщениями.

Не открываю, но в всплывающих окнах вижу начало каждого.

"...Посмела отвезти несовершеннолетних девочек к чужому мужику..."

"...Если у тебя что-то там зачесалось, это не значит, что надо втягивать в эту историю детей!"...

"...Если ты думаешь, что я буду вас с ним содержать - ошибаешься!"

"А как же твоё - замуж больше никогда?! Чего переобулась-то?..."

"Адрес мне! Немедленно! Или я подаю заявление в полицию о том, что ты похитила детей и прячешь их от меня..."

- Алина! - страдающе закатываю глаза. - "Язык" твой!...

Скидываю ему адрес.

"Я хочу видеть условия в которых живут мои дети!".

Набираю голосовое:

- Хозяин дома категорически против гостей на его территории. Все встречи с детьми теперь только на твоей территории.

"Мне посторонний мужик не будет указывать, как и где мне видаться с моими дочерьми! Я буду свободно заходить туда, где они живут."

Пытаюсь представить спор Анатолия и Добрыни. Мы с Анатолием одного роста. Каблуки мне были заказаны, он очень комплексовал. Добрыня выше меня почти на голову.

А когда грудь моя после Иринки стала полновесного третьего размера и решила остаться со мной навсегда, то я стала казаться ещё и крупнее Анатолия. Рядом с Добрыней я не кажусь себе огромной коровой. Там такая косая сажень в плечах... Ух!

В общем, лучше бы Анатолию не спорить с Добрыней. Это будет как минимум комично, как максимум - опасно. Можно и вылететь за ворота.

Что я чувствую по этому поводу? Удовлетворение... Не без капли яда.

Потому что, ох как цепляли меня по-началу все гадости бесконечным потоком льющиеся на меня в глаза, по телефону и в сообщениях. Большая часть - абсолютно незаслуженно. Всё моё окружение было извещено какая я подлая и

лицемерная. Какая я неблагодарная. Какая я низкая женщина, не сумевшая сохранить семью, когда он так старался дать нам всё и сделать меня лучше. И многие из них начали давить на меня, пытаюсь оправдать и защитить Анатолия. Ведь он хороший для всех и везде - только не дома для близких! Там он токсичный тихий тиран.

Молча, не оправдываясь, я всё схавала.

С окружением отношения разорваны. И черт со всеми!

Посмеет ли топить меня при Добрыне, на его территории? Мне даже интересно.

Вспоминаю ту красивую девушку, что ругалась с Саяновым на крыльце ЗАГСа. Как неприятненько...

И вот бежевые ботильоны на высоком каблучке, то самое платье и салон - это мой внутренний ответ на ее шпильки.

И пусть она не увидит, что я тоже могу выглядеть вполне достойно. Но мне надо это доказать самой себе.

Иначе, мои прикиды станут ещё безразмернее и серее, капюшоны глубже, а косметичка окончательно переедет во владения Алинки.

За время брака моя самооценка ушла в глубокий минус.

А тут хоть повод есть выглядеть на все сто.

Ну пусть не сто... Но хотя бы семьдесят, да?

Опасливо заглядываю в переписки. Сообщение от Добрыни с вариантами колец.

Добрый: "Такие или такие?"

Выбираю белую классическую керамику с вставкой из се-

ребра. Там какая-то гравировка. Я улавливаю на фото только пресловутое "Лав".

Вера: "Жду чек".

Добрыня: "Ну нет... Я куплю. У тебя и так трат полно."

И я даже не знаю, что сказать. Неловко... Но они недорогие, ладно.

Вера: "Спасибо".

Высадив девчонок, бегу в салон.

Это очень дорогой салон. И я записалась сюда по двойному тарифу за срочность.

Никогда в жизни не была в салоне. Даже на свадьбу с Анатолием мне делала макияж и причёску его мама, которая ещё в бородатые времена работала в парикмахерской и делала букли невестам. Вышло так себе, она превратила меня в тетку. Но сказать тогда, что не нравится, естественно было нельзя. И я промолчала...

Сейчас бы не промолчала!

Сверникровь у меня адская...

Мой стилист - коротко стриженная девушка с наколками и кучей серёжек в ухе.

И я что-то уже сомневаюсь, что выйдет что-то хорошее...

- Что делаем?

- У меня через три часа свадьба...

- Оу.

Как бы им объяснить?

- Свадебного платья у меня нет. Но есть бывшая моего

жениха, которая будет меня оценивать. Она моложе, красивее и стройнее.

- Ни слова больше!

Глаза стилиста загораются темным пламенем.

Она и ее помощница берутся за дело.

А я не знаю, какую хтонь призывать, чтобы она утомонила Анатолия. Мой телефон нагрелся от его попыток прорваться.

У него шок, наверное!

Моя тревога тоже шкалит, так как подсознательно я боюсь его злить. Вдруг попытается отобрать девочек? Но он и так пытается, поэтому...

Пошел к черту, Толик!

- Декольте делаем? Вырез есть?

Ещё какой. Купила это платье назло Анатолию.

- Делаем!

Может хоть раз в жизни мне удастся возгордиться своими тройками, а не смущённо прятать их под оверсайз. Потому что "ну ты же не корова, Верунь? Зачем такие? Надо с этим что-то делать...".

Как будто это в моих силах сделать с ними "что-то"!

На грудь мне шмякают горячую железную маску. Руки погружают в ванночки с парафином. Лицо заливают толстым тяжёлым альгинатом. Рот мой и глаза заклеены!

Фу, какая гадость...

Надеюсь, это того стоит. И я снова не окажусь пошлой тёт-

койс тенями на веках и выглядящей на десятку старше...

Глава 9 - Жених может...

Так...так...так...

Кольца взял, букетик для невесты взял... Что ещё?

Смотрю в зеркало заднего вида, поправляя рубашку.

Опаздываешь, Саянов. Нехорошо...

И только хочу открыть дверь тачки, рядом паркуется другая. Так близко, что дверь уже не открыть.

Опускаю вниз стекло.

- Э, дружище, ты неправ. Тачку отгони.

С другой стороны выходит из машины какой-то задрот в костюме. Миниатюрный и видно по взгляду - говнистый.

- Ну, во-первых, я Вам не "дружище".

- Это точно, - нахмуриваю брови.

- А во-вторых, не можете выйти, перепаркуйтесь.

Протирает платочком очки.

- Откуда вы только лезете? - закатываю глаза. - Где, блять, у вас гнездо?!

- А вот хамить не надо. За оскорбление достоинства можно и иск получить.

Отряхнув короткое пальто, сваливает в сторону ЗАГСа.

С отвращением смотрю ему вслед.

Ну не пиздить же его. Гном, практически. Как-то несолидно.

Но и проучить надо. Чтобы проникся.

Завожу тачку и перепарковываюсь от его тачки с другой стороны. И зажимаю его водительскую дверь.

Рядом пытается припарковаться микроавтобус. Но не всё уже занято.

- А вы надолго? - уточняет у меня водитель микроавтобуса, подъехав в торец. - Мне бы на часик припарковаться. Можно Вас поджать?

- Я ненадолго. А вот этот водитель на весь день ушел, - киваю на тачку гнома. - Вставай смело.

- Благодарю! - поджимает тачку гнома.

Вот теперь совсем хорошо!

У крыльца застываю. Волнуюсь почему-то... Первый брак вспоминается. Столько было надежд и вдохновения. Все к херам растоптано. Я в этом загсе разводился...

Но сейчас все иначе, конечно. Просто имитация. И все же внутри все переворачивается, словно по-настоящему. Делаю пару затяжек, чтобы успокоить сердцебиение.

Да чего такое? Вера - классная, брак - фиктивный. Вперёд!

Тушу сигарету в урну и забегая по лестнице вверх.

Входная дверь открыта и зафиксирована. Из нее на руках выносит счастливую невесту жених.

И мне даже немного обидно за Веру, что такая прелесть и всё фиктивно у неё. Её уж точно на руках носить надо...

Прохожу вглубь и решительно дёргаю ещё одну дверь на себя. Срываю нечаянно с верхней петли.

- Ой...

Зажав букет подмышкой, экстренно ремонтирую под ошарашенные взгляды персонала. Надеваю обратно.

- Вам бы затянуть тут болты. А то так и будет сле...

Взгляд ловит сначала гнома, а потом стоящую рядом с ним девушку. На пол головы его выше. Охуенную такую... Даже со спины видно - девочка супер. Со спины - особенно, по округлой роскошной попе! Не худосочной, как сейчас модно, а такой аппетитной, прямо как я люблю! Выразительность подчёркнута тонкой талией. Перепады - ух!

Мой взгляд скользит по обнаженным лопаткам и широкой ленте с мелкими стразами между ними. Изящной шее, ушку... Волосы собраны в один крупный локон перекинутый через плечо и увитый белым жемчугом..

Какая несправедливость! Такая нереальная красота и такому пакостному задроту, эх...

Хватит слюни пускать, Саянов, может, она на лицо страшенькая. Веру ищи! На нее полюбишься.

Гном ещё и встал у входа в зал. А время вообще-то наше. Может, Вера уже зашла?!

- Саяновы! - подгоняет нас администратор.

Оглядываюсь.

Где Вера?! Ты же не передумала, да??

- Можно еще пять минут подождать? - слышу подрагивающий Верин голос.

И... все ещё разглядывая в фантазиях образ девушки гнома, который так и стоит перед глазами, вдруг, осознаю, что

там в ушах - те самые "лисы".

Вера?!

Да ну??

Прикусив губу, она оборачивается встречаясь со мной тревожным взглядом.

Вай... Какие большие и роскошные у нас... глаза! - рывком поднимая взгляд из глубокого декольте. Настоящие. Не подделка какая-нибудь силиконовая.

Охренеть, ты, ВерПална, специалист по камуфляжу! Кто бы мог заподозрить, что там под твоим оверсайзом всё вот так?!

Сердце грохочет, обмениваясь впечатлениями с членом.

Миниатюрная... с формами... гладенькая... Обнять и драть!

Гном бубнит что-то фоном рядом с ней, кривя надменно лицо.

- Ты сама виновата в своем положении! Хорошая мать так бы не поступила...

"Спаси меня!" - двигаются беззвучно губы Веры. - "По-братски!"

Сводит жалобно брови.

Это я легко!

Главное, её как дверь в эмоциях "с петель" не снести.

- Верочка!

Всовываю ей букет в руки, врываясь между ней и гномом. За талию притягиваю к себе.

Едва тормозя порыв, впиться в губы.

Воу-воу, легче, Саянов! - поджимаю губы от греха.

Улыбаясь как идиот, смотрю ей в глаза. Глаза всё те же. Практически уже родные. И привычного рефлекса отморозки, как на красивых баб, не возникает. Потому что все они суки, а Вера - зайка и "свой пацан".

Хотя даже взгляд у нее сейчас совсем другой. Порхает своими ресницами... Вот как так? Ты чо, в приворотное зелье нырнула что-ли, Вер?

- Привет! - дотягиваясь, демонстративно впечатывается мне в щеку поцелуем.

Не побрился... - вздыхаю, не ощутив через густую щетину прикосновение ее губ.

- Саяновы! Кольца...

Отдаю администратору.

- Пойдем, - ускоряя, дёргаю за талию, ощупывая на автомате пальцами, как под тканью ощущается тело.

- Ах... - слетает с каблука, теряя равновесие.

Подхватываю на руки, заношу в зал.

- Оу... - поспешно вжимает ладонь в грудь, не позволяя вырезу разъехаться слишком уж откровенно.

Вот! Хотел же, чтобы Веру на руках сегодня носили. Хочешь сделать хорошо, сделай сам!

Ставлю на ноги у красного круга, в котором мы должны стоять. Делаем синхронно шаг вперёд.

Работница ЗАГСа читает нам торжественную речь.

Я плыву в какой-то горячей гордой эйфории от ощущения ее рядом. И ещё немного от ревности к гному и самцового ощущения, что "моя", а не его.

И зачем-то держу руку на талии Веры, пальцами ощущая изгиб, переходящий на ее попку.

Убери лапы, Саянов!

Не-а...

И ещё тьма всяких дурацких незрелых эмоций курсируют в моей башне.

Саянов, ты чокнулся? Выныривай...

Мы обмениваемся кольцами.

У Веры дрожат пальцы. Ловлю крепче ее кисть.

- Ты чего? - шепчу ей. - Это же я...

- Всю спину мне высверлил.

- Кто?

Бросаю искоса взгляд на двери в зал.

В углу стоит тот гном. Сложив на груди руки.

Какого черта вообще он зашёл сюда?! Мы не приглашали!

Ну-ка нахер отсюда!

- Бывший муж?

- Угу.

- Жених может поцеловать невесту! - торжественно декларирует положенный текст работница.

Фотограф прицеливается в нас объективом.

А вот могу!

И меня словно магнитом от этой мысли.

Не в засос только, Саянов! - пытаюсь уговорить себя. - Не надо! Херовая идея!

Но, блять, другого шанса не подразумевается, а этот можно списать на то, что момент обязываел, а я - валенок. И тупо сыграл как положено.

Прижимаюсь к ее губам, ловя затылок ладонью.

От эрекции мозг отрубает, и я впиваюсь жадно глубже, ловя ее язык своим.

Знаю... Знаю... идиот. Нам будет потом неловко за это. Но это всё потом. А сейчас: "жених может" - жених пользуется моментом! Охерительно сладким.

Глава 10 - Не принцесса

Поцелуи могут творить страшные вещи с женщиной. Особенно с той, которая даже примерно не помнит когда был последний. Семь-восемь-девять лет назад??

Мне казалось, что разлюбила это дело и не хочу их больше.

А сейчас стою на ватных ногах, оглушенная и пьяная. И плавлюсь от давно забытого ощущения. Настолько забытого, что кажется абсолютно нового.

И щетина - это оказывается будоражаще и приятно.

И когда "он" такой огромный и сильный, грохнуться от сладкой слабости тебе тоже не грозит.

Вера!.. Ау... Очнись! На вас смотрят. Но разве не в этом идея?

С усилием распахнув глаза, вижу, что бывшего мужа уже нет.

- Он ушел... - со сбитым дыханием шепчу в губы Добрыне.

- М? А...

И дальше всё как в тумане. Я за ним, словно на поводке. Моя рука в его руке...

В себя прихожу уже на улице.

Снежинки кружатся и сразу же тают. Грязно, промозгло. А мне кажется день такой классный, и я пытаюсь не улыбаться, искусав уже все губы. И прячу их в пышно обернутый вокруг

шей шарф.

Разучилась дышать ровно...

На пальце белоснежное колечко.

Добрыня, конечно, выдал... Спас так спас! Радикально.

Как в глаза-то ему теперь смотреть?

Но он - как ни в чем не бывало, особо и не смотрит в мои глаза.

Ну для него это, конечно, рядовое событие - поцелуй. Он и не парится. Это для меня - эмоциональная встряска на грани обморока.

- Давай-ка сюда, - придерживая за руку и талию ставит меня на поребрик. - Там грязь такая... сапоги запачкаешь. Я машину подгоню сейчас.

И я стою, смущенная как старшеклассница на первом свидании. Прижимаю к себе букет. Провожая взглядом широкие плечи Добрыни.

Замечаю Анатолия. Подняв воротник пальто и вжав голову, набирает по телефону кого-то с недовольным лицом. Пинает по колесу поджавший его драгоценную машину микроавтобус.

Встречаемся взглядами.

Смотрит на меня с отвращением и презрением.

Ка-а-ак неловко. Но как приятно!

Прячу нос в букет.

Так тебе, Толик! "Кому ты с двумя детьми кроме меня будешь нужна!" - кривляю его про себя.

Это, конечно, все понарошку, но может хоть отстанет от меня.

Добрыня, проезжает мимо Анатолия. Из под колес летит шлепок грязи прямо тому на брючину.

- Аккуратнее! - цедит Анатолий недовольно.

Представляю себе какими словами поливает он про себя Добрыню.

Подогнав машину, Добрыня выходит, а я сажусь внутрь. Машина высокая, но с поребрика получается нырнуть в нее самостоятельно.

Добрыня растерянно застывает на мгновение и садится тоже.

- Это что за самоуправство, ВерПална? - выговаривает мне строго. - У меня что рук нет, дверь открыть и сесть помочь?

- Да ладно... - отмахиваюсь я. - Я и сама могу сесть. Будешь ещё бегать туда-сюда...

- Не "ладно". Мне может приятно тебе дверь открыть. Не делай так больше.

Разговор обрывается. Потому что я не знаю что ему ответить. Мне становится стыдно за себя, что я теперь такая, и не умею принимать галантность и жесты внимания от мужчин. И за вот это "да ладно..." тоже становится очень стыдно. За обесценивание свой женственности и уворачивания от мужской заботы. Это эхо моих попыток принимать жизнь с мужем так, как есть.

И мы едем в тишине.

Тяну вниз шарф, пытаюсь освободить горло и начать уже дышать нормально.

До сих пор вся полыхаю. Стягиваю куртку с плеч вниз.

Хмуро глядя на дорогу, Добрыня покусывает нижнюю губу.

Неловкость нарастает. И мне уже кажется, что не только я, но и он намеренно не смотрит мне в глаза. Или у меня слишком откровенное декольте?!

Оборачиваюсь обратно шарфом.

- Вер?

- М?

- Все нормально?

- Да! Конечно! - чуть вынужденно улыбаюсь я. - Вот здесь меня высади, пожалуйста.

- В смысле?

- Мне за девочками надо.

- Ну так поехали... Куда?

Называю ему адрес.

- Как тебя занесло-то на такого персонажа, м?

- Ну как это бывает...

Отворачиваюсь, слепо глядя в окно.

- Мне было шестнадцать. Ему двадцать пять. Мне казалось это очень круто! Что это значит, что я взрослее своих ровесниц, интереснее их. Лестило... А он такой умный и взрослый. Всегда в костюме. Он красиво заезжал за мной на

машине, цветы дарил, говорил что я особенная... Предложение сделал. Мне все одноклассницы завидовали. И я влюбилась в это состояние, наверное, что я "особенная". А оказалось, вовсе и не особенная. Но уже ребенок, полная финансовая зависимость, его квартира... Все его! И даже мое мнение, моя родня и мое время.

- Родня?

- Да. Родня его фанаты. Он купил их расположение, решая их проблемы. А я никчемное приложение и должна быть за все благодарна.

- Нда. Как сбежала?

- Банально. Заработала деньги на своем "глупом" хобби, с которым только его позорю. Сняла квартиру. Подала на развод.

Мы объезжаем школу со стороны, где ее двор выходит на небольшую сосновую рощу, часть ее заходит за невысокий кованный забор школы.

- Хвалю! Не сбежала бы, где бы я тебя иска...

- Ой, смотри, Иринка! - ахаю я. - Без куртки! Коза...

Выскакиваю из машины, как только он притормаживает у заборчика.

- Куда?! - закатывает он глаза.

- Ой! - застываю, прыгнув уже вниз. - Я больше не буду! Честно.

Но без куртки же!

- Ирина! - строго рявкаю я, ставя руку в бок.

Подпрыгнув на месте, дочь дёргает куртку с ветки дерева. Делает рывок ко мне, куртка дёргает ее обратно. Треск... Показываю ей кулак!

Суетится, натягивая куртку и пряча распоротый бок под рукавом.

- Где ваша учительница?! Кто вас выпустил?

Чувствую, как Добрыня сзади надевает на меня мою куртку. Выправляет крупный локон из под воротника.

- Мы под лештницей вышли... - с ранцем за плечами, перелезает через забор Иринка. - Там что-то ташкали дядьки.

Добрыня подхватывает ее, как невесомую игрушку, перетаскивая через забор.

Трогаю ее ледяные уши.

- Быстро в машину!

- И мама - следом... - подхватывает меня за талию.

Ай... ай... ой... - сжимаюсь от его смелых прикосновений, неуклюже пытаюсь воспользоваться помощью и сесть в машину.

Грациозность моя на троечку!

Потом ругаюсь по телефону с их классной, что дети сбежали с музыки, а их никто не хватился.

Добрыня курит и разговаривает с Ириной через открытое окно.

- Чо - хулиганка, с уроков значит, бегаешь?

- А ничо не будет! - легкомысленно машет она рукой.

- Ещё как будет.

- Пф! Мама у наш "слабохарактерная", - повторяет слова отца. - Она наш не наказывает!

- Слабохарактерная?? - сурово переспрашивает у неё Добрыня.

- Да-да...

- Но правила у нас теперь новые, подруга. Кто у нас сбегает с уроков, ходит без куртки... тот - что?..

- Что? - с вызовом прищуривается она.

- Не ест охренительный трехъярусный торт-мороженое, который я сегодня заказал. С желе, манго и зефиром. М-м-м! - мычит, изображая гастрономический кайф. - А пьет горячую воду с лимоном. И греет ноги в тазу с горчицей.

- Ма-а-ам!! - вытягивается обиженно ее лицо.

- Да! - гневно подтверждаю я. - Лимон и горчица. И никакого мороженого.

- И зашивает свою куртку.

- Ой да ладно, я ей новую...

Добрыня обрывает меня взглядом.

- Не саботируй!

- А-а-а... Ой. Шьёт, да.

Шепчу ему:

- Мы не умеем шить... Мама - рукожоп, - распахивая глаза, признаюсь честно. - У меня даже ниток и иголок нет.

Тихо смеется.

- Я умею. Научу.

Вау. Ладно.

Надувшись, Иринка сидит в телефоне, играет во что-то.

Дожидаемся Алину. У нее ещё один урок. Пишу ей, что ждём.

- А мы чем будем отмечать? Шампанское? - уточняет Добрыня.

- Ой... - свожу жалобно брови, отрицательно качая головой. - Не люблю я его. Только деньги тратить...

Опять я не принцесса!

- "Наша киска купила бы виски"? - играет бровями.

- С колой! - заговорщики прикусываю губу.

- Наш человек!

Напряжение наконец-то спадает между нами.

- Встали в жопе мира, - ворча залезает в машину Алина. - Еле нашла вас! Мам, можно я на первом сиденье поеду?

- Можно... - пожимаю плечами, отстегивая ремень.

- Нельзя! - одновременно со мной произносит Добрыня, давя моей рукой обратно и пристёгивая. - На первом всегда сидит мама.

Большая его кисть так и остаётся на моем кулаке. Палец скользит по обручальному кольцу.

И я опять дышу через раз.

- Замёрзла? - сжимает крепче.

Алинка недовольно цокает.

- Ну какая разница?

- Если ее нет, то и вопроса нет. Пристегнулись, барышни!

А Анатолий всегда перед дочками старается тонко меня

опустить. Дать им понять, что они значимы, а я нет. Что я их прислуга. Но, видимо, это ненастолько тонко, и даже дети, уловив, перестали любить его за это. Хорошие у меня девочки на самом деле. Хотя и надо признать, что балованные... Бесхарактерная я!

Рука Добрыни наконец-то отпускает мою.

Он такой тактильный, что меня каждый раз от неловкости накрывает. Но это же просто по-братски. Надо как-то... не залипать! И относиться к этому проще. Нам ещё долго жить вместе друзьями.

- Так, твоих забрали, - резюмирует он. - Теперь - за моими, тортом и Джеком!

Глава 11 - Карлсон

- Тихо! - не выдержав кипиша на заднем рывкаю я. - Я говорю.

Дети обрывая ругань замолкают, переставая толкаться.

Перед домом жуткая грязь, плитку будут класть только когда земля немного подсохнет. В сезон не успели.

Надо хоть доски положить.

- Все сидят на месте. Я загоню машину во двор и только тогда выходим.

- Почему?

- Потому что мыть одни ботинки и коридор после них, быстрее, чем после шести пар, Ярик.

Выхожу открыть ворота.

Ежусь от мокрых снежинок падающих за воротник.

Достаю сигарету.

Пару раз стукнув костяшкой в окно Веры, жду, пока она опустит стекло.

- Зажигалку подай, пожалуйста.

Протягивает мне.

Ловлю вместе с ее рукой. Щелкаю прямо так в ее руке, затачиваясь.

- И обратно положи, улыбаюсь ей, флиртуя.

- Привет, котик...

Блять! - словно током щелкает меня сзади.

Закашливаясь дымом, ошарашенно разворачиваюсь на голос Аделины.

Кто??.. С хуя ли я теперь "котик"? - дёргаю с претензией бровью.

- А я мимо пробегала, смотрю, ты.

Дёргая за воротник, впечатывается мне в уголок губ.

Да ё-моё...

Аделина, да. Ты не свободный вообще-то мужик, Добрыня, забыл?

- Привет, - тру лицо после поцелуя.

Пальцы в помаде.

- Здравствуйте, Вера! - надменно улыбается она.

- Здравствуйте... - выдержанно.

- Меня Аделина зовут. Добрый же рассказал, да? Позвольте на минуточку моего мужчину похитить?

Ловлю ее за локоть сам, отводя на пару шагов в сторону.

- Что за дела? Мы же договорились.

- Ну Вера же в курсе того, что у вас фиктивно. Чего при ней-то притворяться и прятаться? - громко.

- Но и клоунада ни к чему, - цежу я тихо. - "Котик"? Серьезно? Куда блевать?

Разворачиваюсь к машине.

- Вер, извини... Пять минут.

Сзади хлопает дверь.

- А Вы, женщина можете так не волноваться! - громкий голос Алины. - У мамы есть мужчина. Она его любит. А на

вашего Добрыню Никитича мы не претендуем!

Да ладно? - роняя сигарету, разворачиваюсь я.

- Алина! - нервно прокашливаясь, одергивает ее Вера.

- Так, а чего же он сам не женился? - ставит руку в бок Аделина, издёвкой провоцируя девчонку. - Мужчина этот.

- Он не может приехать в Россию пока. Он в Германии, ясно? А нас с сестрой отец не выпускает за границу. Но когда это решится, Карстен нас всех туда заберёт! - кривит с вызовом губы Алина.

Какой нахер ещё Карлсон?!

- Ой, ну тебя-то, Цацу, в первую очередь заберёт, - фыркает на нее, выпрыгивая следом Ярик. - Нужна ты там...

- Представь себе. Ещё и замуж там выйду. Немцы вообще от русских женщин без ума!

Вера закрывает ладонью глаза. Жест по выразительности смахивает на фейспалм.

Я бы тоже пофейспалмил. Только Аделине. Но женщин не бую.

Значит, есть мужчина, да?

Не хотела говорить мне?

А ты, Саянов, вообще-то не спрашивал.

А то, что "без ума" - это я вообще не сомневаюсь!

Карлсон, блять...

Всех красавиц вывезли уже, карлсоны эти.

- Добрый! - давя пальцами на челюсть, разворачивает мое лицо к себе Аделина.

Всех, вот, только Аделину оставили.

Мое лицо на автомате отворачивается опять, пытаюсь поймать Верин взгляд.

Ее щеки ярко полыхают.

Нда. Ситуация неловкая, слов нет.

- Ма-а-ам! Пойдем, - открывает Вере дверь. - Ирыч... комон! Пока Добрыня Никитич тут наговорится, мы с голоду помрем.

Стреляет в меня сердитым взглядом.

Ух, какая! Мелкая коза, а зубищи-то...

Наговорился уже Добрыня Никитич, по-ходу.

- Аделин, давай потом?.. У меня дети голодные, - пытаюсь свалить я.

Точно не момент отношения выяснять.

- Стоять! - вцепляется в меня.

- Вер! Там собака не на цепи! Ярик, вперёд иди, - кричу им.

- Да иду я, - отбирает ручку двери у Алинки.

Мелочь чешет в паре следом.

Ира сменкой лупит Мирона по спине, он ее в ответ - по жопе. Полная гармония...

Мы остаёмся с Аделиной вдвоем.

- И чо это такое было? - сжимаю свирепо челюсти.

- Ещё раз посмеешь забить на меня, я тебе и не такое устрою! Или ты думаешь, это классно: я ему приглашения, фоточки, ужин приготовила, вино... А в ответ что? Что я

должна думать, если ты посмотрел мои нюдсы и молчишь? Что ты трахаешь свою "соседку"?

Некрасиво вышло, да. Аделина не виновата, что я по Вере поплыл. А ведь все понимал, что нельзя этого делать. Вера же повода не давала. Даже после этого глупого поцелуя в Загсе. Всё чисто "по-братски". Любит, да?

Сдуваюсь.

Размечтался, Саянов. Выдыхай, короче.

- Ладно, извини, - проезжаюсь пятерней по волосам. - Но вот этого не надо больше. Тем более при детях и Вере. Хочешь высказать - тет-а-тет.

Потискав Барса и отдышавшись, захожу домой с пакетами.

В коридоре брошены ранцы, сменки, школьные сумки. Белая плитка затоптана грязью, детские ботинки вповалку. А мне даже не хочется строить их, чтобы каждый убрал за собой. Не до этого...

На кухне суета, на плите что-то греется. Приставка уже включена. Дети привычно препираются... Ярый хозяйничает. Алинка сосредоточенно сидит в телефоне, прикусив губу.

Вера забирает у меня пакеты, не глядя в глаза.

Разбирает пакеты на разделочном столе. Достает вискарь.

Встаю с ней рядом, опираясь на столешницу бедрами и сложив руки на груди.

- Стаканы - сверху.

Смотрю на ее профиль, не позволяя взгляду сползти в де-

кольте.

А может Алинка просто ляпнула? Ну... Из вредности. В шпильку Аделине. И нет никакого "Карлсона".

- Добрыня Никитич... - замирает Вера. - Мне так неудобно... что Ваша девушка ревнует...

- Не парься, пожалуйста. Я разберусь.

Наливаю нам виски. Открываю колу. Доливаю ей.

- За...

“За нас” хотелось бы, но...

- За... то, чтобы все получилось, как задумали, - чокаюсь об ее стакан.

- Я ещё хотела сказать... - шепчет смущённо.

Что никакого Карлсона нет! Да?? Да?!

- Ой... - отвлекается на сообщение на телефоне.

Заглядываю.

Там всплывающее окно мессенджера. Ловлю взглядом текст.

"Вера, Meine Schönheit, это Карстен. Мой ещё один номер. Запиши."

Вера, застыв, смотрит на экран, хлопая ресницами.

- Чего замерла?... Запиши...

Выпиваю вискарь залпом.

Блть... Ска... Карлсона этого!..

Разношу, всё, что под руку попало. Правда, только в своих бурных фантазиях.

Настоящий, значит...

Глава 12 - Дружеская...

Дожидаюсь, пока Добрыня Никитич уходит в душ, а Ярик

- кормить psa.

За локоть тащу Алину к себе в комнату.

- Какой к чертям Карлсон?! Или как его там?!

- Карстен, - закатывает глаза.

- Алина!

- Нет, а нормально, что эта овца с тобой так разговаривает? Мы тоже не лохушки какие-то! - по деловому складывает руки на груди. - У тебя тоже теперь жених есть, ясно. Покруче, чем ее Добрыня.

- Нет у меня!

Закрывает мне рот ладонью.

- Тише, мам...

- Ты втянула меня в обман! - гневно шепчу, увернувшись от ее руки.

- Ой, мам... - вздыхает как бывалая. - Мы всегда так делаем.

- Кто - мы?!

- Женщины...

Обескураженно хлопаю глазами.

Я родила готовую женщину, сама ей так полностью и не став. Алинка такая с детства... Коза хитрющая!

- Мне очень неудобно перед Добрыней!

- Ой... - скептически. - Ему перед тобой, значит, удобно за эту гопницу, а тебе перед ним - нет? Наш Карстен по крайней мере ведёт себя прилично!

Дёргает выразительно бровями.

- Наш Карстен?... - оседаю на кровать.

- Я не позволю тебя унижать какой-то жабе.

А жабу эту кто-то с чувством видимо поцеловал, потому что внешне она ого-го...

- Пусть Саянов определяется, короче.

- Что? Саянов НЕ определяется, Алин. Мы просто... соседи!

- Ну тогда и руки пусть тебе не тискают. Сосед... У нас для этого Карстен есть! Пусть жабе своей руки тискают.

Глазастая какая!

- Да он просто...

Пытаюсь неумело оправдаться. А ведь и правда - тискал.

- И мы - "просто".

- Господи... Надо сказать Добрыне Никитичу, что ты пошутила.

- Прекрасно! И будем выглядеть как две дуры. Давай, мам...

- Факт.

- Если он "сосед", то какое ему дело? Ну есть и есть этот Карстен.

- Ну да...

Действительно. Чего я так переполошилась. Впечатлилась поцелуем и "Верочкой"?

Так, есть у него женщина. А это так... Да и судя по женщине, не в его ты, ВерПална, вкусе. Хватит фантазировать!

Карстен какой-то... Отчитываться перед Добрыней собралась? Глупо. Проехали это всё, в общем.

- Но ты больше не смей поднимать эту тему. Пусть как-то всё само забудется.

- Ладно...

- Кто отжевал торт?! - возмущенный возглас Ярика из гостиной.

- Ирина! - рывкаю, вылетая из комнаты.

Врезаясь в голого по пояс Добрыню.

- О-о-ой!

Ванная прямо между его комнатой и моей.

Ловит меня за талию, разворачиваясь со мной по инерции.

Ошарашенно веду взглядом по его brutальному торсу.

Брутальнее прямо некуда. Не то медведь, не то буйвол...

Какой внушительный дяденька...

Поднимаю взгляд, встречаясь с ним глазами.

- Где пожар? - тихим низким голосом.

- А-а-а...

Забываю зачем я выскочила из комнаты вообще.

- Эм... Не пожар... - мямлю невнятно.

Зажав в кулак край полотенца на поясе, стреляет взглядом на свою дверь. На пути к которой - я!

- Тогда, я зайду?

- Аха...

Дергаюсь в сторону, как пришибленная вжимаясь в стену и пропускаю его.

Вера, ну это провал! Ты как дикая!

Да я таких мужиков никогда и не видела. Только по телеку. А тут в мокрого и голого влетела! Полотенце не в счёт.

- Мам, ты чо? - выходит из моей комнаты Алинка с подозрением глядя на меня.

- А... нет. Так.

- Чего?

Куда я шла-то?

- Ира! - вспоминаю я.

- Ну и не хочу я ваш торт! Он невкусный! - обиженно сверху орет Иринка.

Подтаявший край торта обглодан.

- Так делать нельзя! - кричу ей. - Иди пей свою воду с лимоном.

- Шами пейте!

- Кто там буянит? - уже в толстовке и штанах выходит Добрыня.

- Иринка, - вздыхаю я.

- Бунт? - выглядывает он из под лестницы, смотрит вверх.

- Ладно, спускайся, бандитка.

- Нет... Я ш вами не хочу.

- А мы с тобой очень хотим, - широко улыбается ей Доб-

рыня.

- А я уже всё равно поела.

- За компанию посидишь с нами. Давай-давай, спускайся.

Иринка с подозрением смотрит на меня. Типа "чего это он такой добрый? В чем подвох?"

Отец бы ей за такое час нудел, что это дурное воспитание и она его позорит.

Киваю ей, чтобы спускалась.

Режу тоненько буженину.

Закидываю пластик в рот.

- Это божественно!

- Батя сам делал... - гордо комментирует Ярик.

- Как сам?

- Вкусно, да? - тоже закидывает в рот пластик.

Раскладывает по тарелкам рагу.

- Когда вы успели все это приготовить? - удивляюсь я.

- Отец готовит на выходных. Сразу много всего. Потом все замораживаем. Опека задолбала уже... Вечно по холодильникам лазят. Есть у нас "первое, второе и компот" или нет. Вот и приходится...

Этот мужчина ещё и готовит!

- А я практически не умею готовить, - признаюсь я. - Мы заказываем готовую еду.

- Вот ещё - деньги тратить, - по деловому возмущается Ярослав.

- Но зато я умею печь пончики!

Наверное, потому, что Анатолий, как сторонник здорового питания, их категорически не ест. И в знак протеста я уперто училась их готовить.

А все остальные блюда, что были одобрены Анатолием, я и дети не любили, хоть и ели, конечно. Остального я готовить так и не научилась.

- Пончики - это зачёт, ВерПална!

- Ты к моей маме не подлизывайся... - дразнит его Алинка, стаскивая кусок буженины.

- Ты же мясо не ешь! - с издевкой троллит ее Ярик.

- Я не ем, я пробую. М-м-м... С грецкими орехами и чесноком, - закатывает она глаза от удовольствия. - Добрыня Никитич, я преданный фанат ваших блюд!

- Ты к моему бате не подлизывайся... - ухмыляется Ярик.

- Это ты ещё мою бастурму из утки не пробовала, - разли-
вает нам ещё Джека Добрыня.

- Я готова!

- Так погоди... Сначала мы с Яриком на охоту поедem, потом будет тебе бастурма.

- Мне колы побольше, - прошу я.

Вечер проходит шумно и вкусно. Фоном идёт какая-то семейная комедия. Джек наш потихонечку заканчивается.

У всех горят лица.

Старшие сбегают с телефонами по комнатам.

Младшие, переключив плазму, клюют носами за приставкой. И засыпают.

Не будим. Закрываем пледами, включаем им камин.

Мы остаемся вдвоем за столом.

Неловко молчим.

Добрыня неровно делит последнюю порцию виски.

- За что мы ещё не пили? - поднимает стакан.

Пожимаю плечами.

Никак не могу развидеть его могучий торс под одеждой. А ещё и виски язык в косичку заплетает. И я все время невнятно мычу...

- За любовь не пили, - смотрит мне в глаза. - Без нее как-то грустно, да?

- Мхм...

Чокается об мой бокал.

Делая глоток, пьяненько проливаю нечаянно несколько капель в декольте.

- Платье испачкаешь! - костяшками пробегается по моей груди в вырезе платья, ловя капли. - Красивое, жалко.

Я давлюсь, закашливаясь напрочь от ощущения его пальцев, проскользив ших возле ареолы.

Соски мгновенно напрягаются, продавливая ткань платья.

- Пойдем от греха спать ВерПална... - засовывает сигарету в губы.

Это все ещё можно считать дружеской тактильностью или уже нет?

Глава 13 - Армагеддон

Просыпаюсь от звонка будильника, резко поднимаясь в положение сидя и пытаюсь понять, почему я его завела. Ведь мы решили оставить детей сегодня дома. И все вместе делать ремонт.

Смотрю пометку на будильнике.

"Ни дня без строчки! А ты уже неделю филонишь. Глава сама себя не напишет!"

- Ах, да...

Падаю обратно на подушку.

Хотела встать пораньше и написать хотя бы пару страниц. Какой-нибудь Армагеддон местного масштаба. А то сюжет превратился в болото.

Минуточку ещё... - решаю закрыть глаза.

Досмотрю свои пошлые сны с поцелуями и торсами от Са-янов-пикчерс.

Если уж краснеть перед ним, так оптом, за всё сразу.

И буквально через мгновение подскакиваю снова от шума в гостиной.

Бросаю взгляд на часы. Десять!

- Ну, нет...

Проспала всё. Никакого мне Армагеддона.

Натянув штаны, толстовку и теплые носки бреду на шум.

Стол сдвинут к дивану. По всему полу раскатаны обои.

Иринка и Мирон лёжа на полу, закручиваются в рулоны, хрюкая от удовольствия.

Алина сидит на лестнице с телефоном... На плите что-то варится. Судя по запаху - молочная каша.

Бог послал мне прекрасного мужа. И не важно, что фиктивного. С прекрасными детьми! Не иначе как кашу варит Ярик. Больше некому.

- ВерПална, а Алинка мужикам фотки шлёт! - самодовольно сдает ее стоящий сзади Ярослав.

- Эй! - прячет она экран. - Мам, он врёт!

- Шлёт-шлёт...

- Алина... - строго смотрю на нее.

- Почему ты ему веришь, а не мне?! Он врун!

- Э... Ответь, что вру! Давай, покажи, переписки!

Он тянет телефон, она дёргает к себе.

- Обойдешься. Ещё я перед тобой не отчитывалась!

Телефон выпрыгивает из их рук, только успеваю подхватить у самого пола.

- Алина! Он же новый. Только купили.

- Это он виноват!

Кладу рядом с собой на разделочный стол.

- Ну, мам... - откидывает женственным движением свою копну распущенных волос за плечо.

Вот откуда что берется??

А фото она свои и правда любительница отправить!

- Нет, не отдам. Потом поговорим. И волосы заплети.

- Не хочу... - капризно.

Проходя мимо, Ярик дёргает ее за прядь. Получает по рукам.

- А где Добрыня Никитич?

- Батя за клеем поехал. Хотите какао?

- Какао?.. Очень хочу. Дети, прекратите мять обои.

Пока Ярик наливает мне в кружку какао, я извлекаю возмущающуюся мелочь из рулонов.

- Ну мы мумии! - ворчат они.

- Не сегодня!

Подталкиваю обоих к лестнице.

- А у меня мураши, а у тебя нету! - дразнит Иринка Мирона, убегая наверх.

- А у меня экспегимент! - поднимает со стола Мирон глупую чашу. - Кгахмал!

- Что за эксперимент? - интересуюсь я.

- Неньютоновская жидкость, - важно.

- Крутая штука, - показываю ему большой палец вверх.

Он льет в чашу воду из графина. Из чаши поднимается белое облако.

Иринка сверху смотрит с любопытством, поставив на перила пластиковый муравейник.

Я подхожу к окну, с кружкой горячего какао.

Вижу, как открываются ворота. Добрыня пристегивает Барса. И вместе с ним заходят знакомые лица - инспектор ПДН и другие наши контролёры.

- О, черт! Дети!.. - рывкаю я, разворачиваясь. - У нас гости!

И в эту же секунду из рук Иринки, вниз летит ее пластиковый прозрачный муравейник.

Вскрикнув, бегу к Мирону, чтобы оттащить его от стола. Но не успеваю, муравейник врежется в стол, рядом с чашкой. От испуга Мирон сам сносит ее со стола на диван.

Муравейник раскалывается, просыпаясь содержимым прямо на стол.

- Ты в порядке?! - ощупываю Мирона.

Иринка с воплем бежит вниз, поскользывается, падает на попку и с криком скачет по ступеням вниз, как с горки.

- А-а-а! - начинает реветь она. - Ма-а-а-ама...

Подбегая, ставлю ее на ноги, ощупывая копчик.

- Живая??

- Не-е-ет...

Тяжело дыша, перевожу взгляд на старших.

Па-ма-ги-те! - хочется завопить мне чаечкой.

Но Алинка под шумок хватает телефон со столешницы, резко отворачиваясь от Ярика, который пытается его перехватить. Ее копна ловит пламя огня от конфорки и волосы вспыхивают.

Срываюсь в их стороны. Но Ярик успевает испуганно плеснуть на нее недопитым кем-то какао из стакана.

Стакан выскальзывает у него из рук, грохот...

- Да Боже! - растерянно вскрикиваю я, расставляя руки,

словно пытаюсь удержать эту реальность. - Заморите все! Не двигаться!

- Мам... - шокированно трогает сгоревшие с одной стороны до виска пряди Алина. - Ма-а-амочка... - начинает рыдать горько, оттягивая от виска пальцами обугленный и мокрый пучок волос.

Входная дверь открывается.

Я беспомощно делаю пару шагов вперёд, пытаюсь прикрыть собой Армагеддон.

- Здравсьте... - хриплю я, тяжело сглатывая.

Вот что я не так сделала?! Как это можно было предсказать и предотвратить??

Моя материнская самооценка пробивает дно.

С ужасом смотрю в настороженные глаза Добрыне.

Девки мои ревут белугами... Всхлипнув ещё по разу, замолкают, заметив посторонних.

По кухонному столу ползают муравьи. Диван в каше из крахмала. Пол в какао и осколках от стакана.

Я сегодня супер-мать! Чуть все дети не убились прямо у меня на глазах.

Кроме Ярика.

- Ай! - переступив с ноги на ногу, поджигает он одну, словив битое стекло.

"И ты - Брут?!" - опускаются окончательно мои руки.

- Спаси нас! - беззвучно умоляю Добрыню.

Из его рук выскальзывают пакеты, шмякаясь на пол.

- Ну... Собственно - вот! - невозмутимо выдает Добрыня, оценив масштаб трагедии. - Ремонт полным ходом...

Тётки обводят взглядом нашу убитую гостиную

- "Простенько и со вкусом!" - резюмирует Добрыня.

О, да.

- Вы к нам в понедельник заходите, как обои доклеим.

Разворачивается к ним, вставая в подходе и не пропуская их из прихожей в гостиную.

- Сегодня... сами видите. В процессе все.

- Дети почему плачут?

- Постригли их некрасиво, - прикусываю губу. - Переживают...

- Палёным почему пахнет?

- Кашу сожгли, - снимает с огня Ярик.

- Что у вас с вентиляцией?

- Проверяли вы у нас же вентиляцию! - сердится Добрыня.

Одна из тёток выглядывает под его рукой, упирающейся в косяк.

- А Вы Вера Павловна в понедельник к психологу с девочками!

- Обязательно... - облизываю пересохшие губы.

- Значит, препятствуете проверке, да, Саянов?

- Нет. Переносим. В связи с ремонтными работами.

После вежливых препирательств выставляет их, выпроваживая за ворота.

Возвращается.

- Это что за пиз... трындец?! - поправляется он. - Вер??

- Стихийное бедствие... - прижимаю к бедру хлюпающую носом Иринку. И успокаивающе глажу Алину по спине.

Губы мои дрожат от обиды на ситуацию. Но что я могла поделать?!

- Подтверждаю! Я - свидетель, - вступается за меня Ярик.
Ты мой зайка...

- Пап! Смотги, какие классные... - гоняет по столу муравьев МIRON. - Купи мне тоже...

- Я вас просто обожаю всех, - закатывает глаза Добрыня.

Проводит по столу, ловя муравья на палец. Разглядывает.

- Ну прости, пожалуйста, - покаянно вздыхаю я.

- Чо - прости? Я серьёзно. Все живы. В больницу не едем.
Дом не тушим. Молодцы...

Глава 14 - Тусовочка ущербных

- Панику и стихийное бедствие отменяем. Никто не двигается. Работает спецназ... - осматриваю ещё раз помещение.

Врубаю вытяжку.

- Стекло, значит...

Двигаю Яру стул, чтобы сел.

Всхлипывающей Алине вручаю веник с совком, чтобы собирала стекло. Так как она единственная в обуви.

Вере с Мироном - тазик с тряпками. Оттирать диван.

Ярому вытаскиваю стекло из пятки. Заливаю жидким пластырем.

- Всё, сиди, страдай.

С Ирой разливаем на столе несколько ложек варенья, чтобы заманить всех муравьев в кучу.

- Собирай сюда их, - ставлю чистую трехлитровую банку.

Практически "Монтессори". Мелкая моторика, все дела...

- С кашей у нас что?

- Капец каше! - разводит руками Ярик.

- А, может, пончики?.. - выжимает в тазик тряпку Вера. - На завтрак, конечно, не самая лучшая еда, но... - смущённо.

- Голосуем! - перебиваю ее я. - Кто за пончики?

Все руки взлетают вверх в жесте "за". Кроме безучастной Алины.

Забираю у Веры тряпку с тазиком.

- Пончики одобрены. Феяч, ВерПална.

Собрав все стекла в совок, на нижней ступеньке молча сидит Алина, прислонившись виском к пузатой балясине.

- Ну всё... - гладит ее по волосам Вера. - Исправим. Не плачь.

- Я теперь урод... - шепотом жалуется, горько глотая слёзы.

- Ты как Зо'гг... - хихикает Мирон. - Из "Пятого элемента".

Иринка стреляет в него гневным взглядом.

- Щаш как дам...

- А ты как Сид из ледникового! Хе-хе-хе...

- Мирный! - одергиваю его.

- Да нормальная ты, Богомолова... Хватит рыдать! - закатывает глаза Ярый.

- Отстань! Из-за тебя всё...

- Я-то причём?!

- "Фотки мужикам отправляет"... - кривляет его Алина. - Врун!

- А не отправляла??

- Селфи! Для классного коллажа! - оскаливается на него. - Однокласснику!

- Ну а что я не так сказал? Фотка была? Была! Мужик был? Был!

- Мы сегодня классом идём в кино вечером. Там Марк буде-е-ет... Как я пойду?!

Пряча лицо в ладонях начинает рыдать навзрыд.

Вера протягивает ей салфетки, оторвав от рулона.

- А чо "Марки" прутся только от волос? Нет волос - иди нахрен? - язвит Ярик.

- Угомонись, Ярый, - шикаю на него.

- Мы попробуем найти какого-нибудь мастера, - достает Вера телефон.

- И что - мастер? Налысо меня побреет?? - тыкает пальцем в большую проплешину на виске. - Я урод... Я никуда не пойду-у-у... И в новую школу не пойду-у-у...

- Хотя ко всем надо заранее записываться, - поджигает с досадой губы Вера, пряча телефон. - Алин, может, шапочку красивую? Девочкам можно не снимать.

- Ну что там у тебя, дай посмотрю, - присаживаюсь перед ней.

За подбородок кручу ее зареванное лицо.

- Сейчас сделаем тебе по красоте без всяких мастеров! Давай, на стул.

Достаю машинку, которой пацанов своих ровняю.

- Мам? - настороженно оглядывается Алина, хватаясь за волосы. - Я не дам обстригать! Мам?

Вера ловит с тревогой мой взгляд.

- Не очкуй, будут длинные. Висок украсим и всё. Зигзаг или две линии?

- Линии...

Выбриваю ей "под бокс" широкую полосу, плавно уводя "клин" за ухо. Меняю насадку и делаю две параллельных ли-

нии как узор.

- Вау ля!

Подскочив, бежит к зеркалу. Пытливо крутится разглядывая себя в разных ракурсах. Водит пальцами по виску. Перебрасывает волосы на одну сторону, на другую...

Кусая губы, начинает довольно улыбаться, сверкая глазами.

- Кто молодец? - играю ей бровями.

- Добрыня Никитич - молодец! - подпрыгивает от эмоций.

- И чтобы на кухне никаких распущенных волос! Коса тлет медленно. Распущенные мгновенно превращаются в факел.

Плетет поспешно косу.

- Да-да, я поняла.

- А мы с газом не дружим, - оправдывается Вера. - У нас всегда электрическая была. Да и готовлю я в основном в мультиварке что-то элементарное. Потому что, от плиты обязательно отвлекусь и пожарю суп.

- Значит, допуск к газу сдавать будете. А вообще, не трогай ты этот газ. Привыкла к мультиварке - ну и готовь в ней. Ир, ну что там?

- Шеснадцать поймала...

- Царицу нашла?

- Ищу...

- Ищи. Без нее помрут.

- Вот она! - лезет под стол.

Пока мы со старшими нарезаем обои. На столе появляется большая чаша с пончиками и изящная супница с птичкой вместо ручки на крышке. И такие же красивые тарелки.

Мы все сглатываем набежавшую слюну.

- Что это тут у нас? - заглядывает Ярик под крышку.

Пахнет бульоном, укропом и лавровым листом.

- Ой... Да это так... Из мультиварки. Псевдо-суп с галушками. Раз уж наш завтрак плавно перетек в обед...

- А говорили, готовить не умеете!

- Да разве суп это еда? - отмахивается она. - Это так... "извинение ленивой хозяйки".

Нарезаем к этому счастью буженину, рыбу, овощи, хлеб. И забив на ремонт устраиваем маленький пир.

Ярый мешает сметану с сахаром, чтобы макать пончики. И за столом начинается бои за право макнуть без очереди.

Отжав пару пончиков у орды, выхожу с сигаретой на крыльцо.

Накинув широкий шарф, выходит и Вера.

И мне щекотно внутри от того, что мы наедине. И что даже в отсутствие интимных бесед, все чувствуется очень интимно. После поцелуя так особенно...

С высокого крыльца один пончик по кусочкам скармливаю Барсу, второй съедаю сам.

- М-м-м... Красота! Вкусно.

- Спасибо... - мнется она.

- За что? - удивлённо поднимаю брови.

- За терпение. Я знаю, что "так себе жена". И не идеальная соседка. Но мы будем стараться не создавать проблем.

- Вер... - улыбаясь, выдыхаю дым вверх.

Снимаю куртку. Накидываю ей на плечи. На мгновение прижимая к себе плечом и растирая по-дружески другое.

- Чего б ты понимала в идеальных.

Показываю ей на соседский дом, разворачивая туда лицом.

- Вот там, Галина Степановна живёт. Идеальная, сука... Реально, доебаться не до чего. Комсомолка, лыжница, идеальная хозяйка, дома все сверкает как у кота яйца. Первое, второе, третье и компот. Ученая степень по педагогике. Очень высокой морали женщина! Муж бежал, роняя тапки. Неидеальный попался, бедолага... Через день Галина Степановна стучит на нас в опеку. Самое обидное, не из вредности, нет. Из острого чувства социальной ответственности и беспокойства за моих пацанов. По ее шкале идеальности, я как отец ниже нуля. Поэтому, ты мне про идеальность не рассказывай. Я слава богу и сам до нее не дотягиваю. У нас, у ущербных, своя тусовочка... С пиздецами и чувством юмора.

Тяну ей "пять".

Шлёпает.

- Телефончик заберу... - ныряю во внутренний карман куртки, касаясь тыльной стороной руки ее груди.

Специально, да...

Как гопота ты, Саянов. Потискать и пощупать!

Да-а-а... Хочу её... пиздец, просто!

ОТ АВТОРА: Дорогие друзья, сегодня (и завтра) у нас на ЛИТНЕТ большая распродажа, и вы можете купить любую мою книгу со скидкой 30%. Если сегодня на какую-то книгу нет скидки, значит, она появится завтра. Приглашаю вас побродить по моим историям. Они все здесь:

<https://litnet.com/shrt/VOnO>

Глава 15 - Реанимация

Выходные пролетели очень быстро. Завтра с утра на работу.

Дети уже легли спать. Мы с Верой доделываем какие-то мелкие дела.

Я прикручиваю шуруповертом ей ножку от складной столешницы рядом с креслом под ноут.

Комната крошечная, стол тут не поставить.

Вера - домывает окно в гостиной.

Выхожу из комнаты. Разглядываю ее со спины. Стоит на стуле в своем безразмерном оверсайз. А я не могу развидеть ее формы под ним.

Хочется подойти и сжать эти роскошные "булочки".

Приближаюсь, фантазируя о том, чтобы пощупать ее немножко.

Палец, от лёгкой судороги возбуждения по телу, сам нечаянно жмёт на кнопку пуск шуруповерта.

Вскрикнув, Вера теряет на стуле равновесие от неожиданного "вж-ж-ж..." за спиной.

- Ай... Ай... - машет руками, пытаюсь удержать равновесие, но крен уже слишком велик.

Отбрасывая на диван шуруповёрт, ловлю ее на руки.

С испуганным вскриком, хватается за меня.

М-м-м... Как интересно вышло!

Смотрим, замерев, друг другу в глаза. Краснеет...

- Я... Эм... Вы так спину надорветё, - бормочет, переходя на Вы. - Я же тяжёлая очень...

- В самый раз, - вырывается у меня нечаянно.

Сжимаю пальцы, рефлекторно желая почувствовать ее сильнее.

- В смысле, иди, принимай работу, - хриплю я непослушным голосом, аккуратно ставя ее на ноги.

В комнате, Вера разглядывает столешницу, пододвигает кресло.

- Красота! Спасибо. Ты мой героический герой. Назову нового персонажа Добрыней!

Ухмыляюсь.

- Ну всё, буду купаться в лучах славы!

Вытаскивает ноут.

Но я ловлю ее, не давая поставить.

- Лак ещё часов шесть будет сохнуть. Придется поспать на диване в гостиной.

- Ой, да без проблем!

Забирает в охапку подушку, одеяло.

- Я не буду тебе там сейчас мешать? Я тихонечко поработаю, - спрашивает у меня.

- Главное, чтобы я тебе не мешал.

Можно свалить уже спать. Но...

Вечер с ней на диване - это соблазн.

Закутавшись в одеяло, сидит в наушниках с ноутбуком на ко-

лениях, сосредоточенно что-то печатает.

Варю нам кофе. Ставлю на деревянный подлокотник для нее кружку.

Прижимая руку к сердцу, шевелит губами: "Спасибо!". Не совсем даже к сердцу... Скорее к груди. Пышной. Которая в этот момент выразительно обтягивается тканью, прижатой ее рукой.

Эх...

Ставлю вторую кружку с кофе, с другой стороны, себе. И сделав звук потише, играю в какой-то экшен. Все время проебываю.

Потому что задумчивая Вера медитативно водит собачкой замка от кофты вверх-вниз... вверх-вниз...

И совсем наверное не соображает, что светит мне роскошной полусферой груди, мелькающей в разрезе.

А ещё потому, что мне пишет бывшая жена, и я бешусь, не желая читать. Но каждый раз вздрагиваю от сообщения.

Добрый: Рита, чего тебе надо?

Не выдерживаю я.

Рита: Я хочу поговорить с Мироном. Он недоступен.

Добрый: Во-первых, он тебя не знает, во-вторых он спит.

Рита: Ты опять препятствуешь!

Добрый: Ты там пьяная опять, что ли?

Рита: Ты же знаешь, что вообще ничего не употребляю больше! Я ребенка кормлю.

Добрый: Когда Мирона кормила, это тебе не мешало!

Рита: Хватит! Алкоголизм - это болезнь. Я была больна, а ты меня бросил в этом бедственном состоянии.

- А сколько ты бухала как последняя тварь перед тем, как так серьезно "заболеть"? - не выдерживая, пишу голосовое. - И сколько я с тобой возился, прощал, откапывал? Иди нахер, короче, Рита, со своими повесточками. Это был выбор, а не болезнь!

Расслабляю пальцы, позволяя телефону выпасть из них.

- Что? - снимает наушники Вера. - Ты что-то сказал?

- Я не тебе, - ворчу ещё на агрессивных дрожжах.

- А... - смущённо и поспешно натягивает наушники обратно.

Они соскальзывают с волос, падая ей в капюшон кофты.

- Черт... - пытаюсь достать, барахтается, тонет в одеяле, соскальзывает спиной с подушки. Ноутбук съезжает с ее колен, грозясь грохнуться.

Умиляет меня эта барышня!

Ловлю ноут, помогаю достать наушники, но не отдаю.

- Чего там "Добрыня"? - уточняю, стреляя в нее игривым взглядом. - Девушка хоть есть у него?

- А-а-а... как раз пишу. Девушки у него нет.

- Какой роман без девушки? Ты меня пугаешь, ВерПална!

Смотри там, не опорочь мое честное имя мальчиками.

Сатанински хихикает.

- Эй!

- Нет-нет, никаких романов с мальчиками.

- Уф... - делаю глоток кофе.

- У Добрыни будет роман с...

Мой телефон звонит, перебивая нас.

- Извини... - отвечаю. - Да?

- Позови немедленно моего сына к телефону! И учти я все сохраняю и записываю!

- Младшего?

- Да.

- А чего не старшего? - язвительно уточняю я, пытаюсь подняться с дивана.

Но пока спасал Веру, запутался сам в ее одеяле. А руки заняты.

- Старшего ты против меня настроил!

- Я настроил?! Дети спят! Давай...

Скидываю вызов.

- Мама их? - поджигает настороженно губы Вера.

- Угу...

- А почему вы развелись?

- Бухала...

- Почему ей тогда хотят отдать детей?

- Потому что пьяная, упала на штырь, ей удалили селезёнку, и после этого у нее возникла непереносимость алкоголя. И теперь у нее "полная семья", ребенок, муж и сама она комсомолка, спортсменка и просто красавица! - с отвращением объясняю я.

- Ты не хочешь, чтобы общались?

- Нет, Вер, не хочу. Она их променяла на алкашку свою.

А то, что бросила - это не усилие ради детей. Просто случай!

- Понятно...

- Осуждаешь?

- Печалюсь, - отрицательно качает головой.

- Не печалься! - переключаюсь на хорошее настроение. -

Давай мне про Добрыню вещай свои женские сказочки...

- Ой, кстати! Можно я тобой как спасателем воспользуюсь?

- Всегда... в твоём распоряжении.

- Как делают реанимацию? В полевых условиях.

Тяну за капюшон ее, заставляя соскользнуть головой в мою сторону, в положение лёжа.

Пискнув, падает.

- Итак, искусственное дыхание и непрямой массаж сердца.

Запрокинуть голову...

Давлю на лоб, придавая ей правильную позу.

- Освободить дыхательные пути, - давлю на подбородок, приоткрывая рот.

Наклоняюсь ближе к ее губам.

- Два вдоха...

Послушно делает два громких вдоха.

- Вер... - смеюсь тихо. - Вдохи делаю я. В тебя...

В неё...

О чем это мы?

Ставлю руки на грудную клетку.

- Тридцать компрессией грудной клетки... И снова два вдоха... При вдохе грудь должна подниматься. Глубина сантиметров пять, иначе ребра можно...

Что там с ребрами, Добрыня? Да хер его знает, что я там говорю...

Вера облизывает медленно губы

Кладу пятерню на ее грудь, продавливая пальцами манящие троечки и имитируя массаж сердца.

- Поняла?

- Нет... - шепчет, хлопая глазами. - То есть, да... Два вдоха и тридцать ком... ком...

- ...прессий.

- Да.

- Да...

Зажмуриваюсь, на мгновение, преодолевая притяжение наших тел.

Резко поднимаясь, делает несколько глотков кофе. И я допиваю свой.

Встаю с дивана, возбуждённый и неадекватный. Взяв волосы.

- Ну я спать...

- Ага...

- Напиши там Добрыне... девушку, - ляпаю я. - Будь человеком.

- Какую?

- Какую... Хорошую! Пусть ей искусственное дыхание делается.

- Ага...

- Спокойной ночи.

- И тебе...

Какие нахер "спокойные ночи" с такими приколами? Мне реанимацию сделайте!

Сваливаю в душ по второму кругу.

Не спится. Книгу что ли почитать. Захожу на сайт, где читаю книгу в процессе. Обновления так и нет.

- Да ты задрал, автор! - рывкаю тихо.

- Это ты мне? - за приоткрытой дверью.

- Нет, Верочка. Это я так...

Спать, короче.

Глава 16 - Магнит

Три дня такая нагрузка, что выпадаю из жизни. Хорошо, что пацаны у меня самостоятельные. Да и Вера взяла на себя заботу забирать со школы Мироху, когда не может Яр.

А так - почти не пересекаюсь с семейством. Приезжаю, уже спят. А Вера работает у себя...

Смена закончена. Мы курим, сидя на борту открытой тачки.

- Добрый, а ты чо как партизан, а? Женился, слова не ска- зал! Мальчишник зажал... - отчитывают меня коллеги.

- Какой мальчишник, мужики? Я серьезный дядька уже.

- Как тебя Аделина не прикопала-то?

Вздыхаю, не желая комментировать. Плохо пока себе представляю, как все прилично озвучить и обставить, чтобы Аделина не взорвалась опять какой-нибудь ревнивой дичью.

Терпеть не могу сталкивать женщин.

Потому и молчал.

- Откуда узнали-то?..

- Так у шефа сегодня днюха, корпоратив. Всех, кто не на смене пригласил с женами. На тебя матерился, что ты зажал свадьбу.

- Денег нет! У меня же пацаны и стройка.

- Ну, короче, там и твое приглашение лежит.

- Где?

- У Аделины, братан, у Аделины.

- Да блять... Может, не идти? - морщусь я.

- Да ты чо?! Обидится смертельно. Юбилей! А ты кстати, чего жену в чат к нашим не добавил? А вдруг чего?.. У них там кружок взаимопомощи.

- Да? Ну добавлю. Ладно, по домам! - жму руки всем. - Увидимся.

Захожу в административное крыло, в кабинет к Аделине.

- Привет.

Не поднимая глаз двигает мне по столу пригласительный.

- Для Саяновых! - ядовито.

- Ага...

- Ты совсем охренел, Добрыня? Ты её ещё и на корпоративы таскать будешь? На меня значит забил вообще! Разве наличие няньки не освободило твое время??

- Тихо, - скашиваю взгляд на кабинет начальника. - Вера не нянька.

- Да мне похрен, ясно? Я не позволю так с собой обращаться. На корпоративе с тобой должна быть я. А если это невозможно, то и тебя там быть не должно!

И вроде как вполне себе справедливое требование, но...

Хвастаться перед коллегами мне хочется Верой, а не Аделиной. И знакомить с Верой. И самому там с Верой общаться. Да и легенду нарушать некомильфо мне. А это значит - что? Мой магнит в другом месте. И не надо разбазаривать силы и время. Их и так немного.

- Лин... Так, увы, не получится. Нет у меня ресурса сейчас на то, чтобы иметь... такую шикарную даму как ты, - смягчаю я. - Ни времени, ни денег, ни здоровья.

- Это ты меня так нахер послал?!

- Это очень грубый перевод.

- Ах так?!

- Ну всё, правда. Ты красивая девочка, найдешь ещё сто таких. Даже лучше!

- И шлюхой обозвал! Молодец, Саянов! - с яростью.

- Да ё-моё!! - рявкаю я. - Ты - умница-красавица, я - уставшая скотина. Разбегаемся. Все! Не переводить, ясно?

Забирая со стола пригласительный, сваливаю. С облегчением еду домой. Всё. Гора с плеч. Ну остыл я окончательно. Даже на секс не влечет. Чего тянуть кота за яйца?

Домой очень тянет. Соскучился по детям. Хочу увидеть Веру. И даже по ее двум вредным стрекозам соскучился!

Впереди два выходных. Кайф.

Во дворе на цепи рвется Барс. Шерсть на загривке вздыблена.

- Ты чего, друг? - чешу ему за ушами. - Что случилось? Крысу увидел?

Он иногда давит крыс. От соседей, с другой стороны от Галины Степановны, иногда забегают эти гости. Соседи держат кур, уток, индюшек. И эта хвостатая "радость" тусуется рядом с зерном.

- Держи вкусняшку, - отдаю ему большую смачную кость.

- Скоро привыкнешь к нашим постояльцам, отпущу тебя с цепи.

Вообще он привыкший к цепи. Я его сто лет назад именно с цепи и забрал. Но у нас жил свободно.

Иду в дом, придумывая как бы съехать с корпоратива. Хочется упасть на диванчик рядом с Верой и провести так этот вечер.

Захожу домой с бумажным пакетом горячего хлеба в руках.

Дети радостно растаскивают горячую булку на клочки. Хлеб хрустит и пахнет так, что голова кружится.

- Голодные что ли? - пытаюсь я отобрать у них хотя бы половину на обед.

- Не верь им! - кричит Вера. - Только что ели!

Прохожу, бросая взгляд в ванную. Дверь открыта.

Вера собирает волосы у зеркала.

В своем охуительном платье.

Куда это мы собрались?..

- Привет, - улыбается мне через отражение.

- При-и-ивет... Ты уходишь?

Ловлю себя на том, что в груди ревниво подрагивает.

- Я ненадолго, - словно оправдываясь.

Куда? На сколько? К кому? Почему в таком виде?

Неприличные вопросы?

- Мхм... - задумчиво зависаю, засовывая руки в карманы.

Под пальцами - пригласительный. Кручу его.

- А перенести нельзя?

- М-м-можно, - заикаясь. - Что-то нужно сделать?

- Да.

Протягиваю ей бумажку.

- Нельзя пропустить. Начальник - зверь. Обидится, потом тушите свет, - вру безбожно. - И без жены нельзя. Я и так в немилости.

- Ой... А я ни разу на корпоративе и не была, - теряется как девочка. - Я даже не знаю что надеть.

- Платье - в самый раз! Сделай одолжение... Составь компанию. Мы ненадолго. Отметимся, поздравим и сбежим.

- Я даже и в салон уже не успею, - начинает поспешно на себе поправлять одежду.

- Вер, ты и так красавица.

- Ой, ладно! - хихикает. - Скажешь тоже...

Дурочка! - улыбаюсь ей.

- Сколько у меня времени собраться?

- Да не торопись. Я пока в душ, пока поем...

- Алина! - зовет дочь.

Убегает к себе в комнату.

Уже собранные, даём ЦУ девочкам. Потому что Ярый идёт на тренировку, и ведёт Мирного на шахматы. А девочки остаются одни.

- Газ не включать, - перекрываю кран. - Греть все в микроволновке. Никуда не уходить.

- Ну мам! - дует губы Алина. - Я хотела погулять.

- Алин, ты через день гуляешь, а мама? Давай, сегодня ее очередь? А ты за Иринкой посмотришь, м?

- Ладно... - вздыхает, добавляя Вере румяна кисточкой.

- Я и шама могу, - крутит банку с муравьями Иринка.

- Можешь. Но пусть в этот раз Алина с тобой побудет, чтобы мы не дергались.

Развозим пацанов. Едем в ресторан.

От хорошего настроения просто бомбит! Я словно пьяный. А иллюминация, притушенный свет и музыка делают меня окончательно влюбленным в мою фиктивную жену!

И я как идиот, улыбаюсь, гордо представляю ее своим.

- Вау! Вот это ты Добрыня молоток! - жмут руки мне мужики. - Такое богатство отхватил.

- Э-э-э, - осаживаю шутливо. - Особо не разглядывай.

- Ну вот! А то - убежденный холостяк! Никогда не жёнюсь! - стебуют меня.

Это всё я, да.

Они задают рдеющей Вере какие-то вопросы, а я на мгновение отвлекаюсь на звонок по телефону.

Галина, блять, Степановна!

Не к добру...

- Минуту, - целую машинально Веру в висок как свою. Делаю несколько шагов в сторону.

- Саянов, - отвечаю на звонок.

- Добрыня Никитич... - с осуждением. - У вас ребенок там кричит. Даже не кричит, визжит как резаный, слышите?

На заднем фоне я слышу действительно истошный девчачий визг, крики, рыдания. Словно мандрагору вырвали из горшка. Явно не игривые оры. Испуганные! И надрывный яростный лай Барса.

- Что происходит?!

- Я не вижу! Это с другой стороны дома.

Там территория Барса. Как она туда попала?!

- А на плитке там - кажется кровь!

Пиздец!

Волосы становятся дыбом.

Он не мог тронуть ребенка! Не мог...

- Я в службу спасения позвонила. Следите за своими детьми, что ли...

Скидывает вызов.

В шоке, перевариваю пару секунд.

- Вер!

Бесцеремонно хватаю ее за локоть и тащу на выход.

- Что случилось?! Добрыня?.

- Ты только не паникуй, Вер!..

Глава 17 - Конец света отменяется!

Сердце мое словно сжато в тиски и стучит, сбиваясь с ритма.

Мы летим на машине обратно. Летим - буквально, превышая скоростной режим так, что страшно. Но ещё страшнее от неопределенности.

- Звони Алине, быстро!

Удерживая плечом телефон у уха, Добрыня выясняет какая бригада едет по вызову.

Господи, что произошло?! Нас полчаса дома не было!

- ... Вы быстрее приедете... Нет, не ждите меня. Входная дверь заперта. Поэтому сразу через забор с левой стороны, да... Туда не достает цепь. Там есть шланг и кран...

- Пожар? - шепчу я испугано.

Отрицательно качнув головой, опять говорит по телефону.

- Давай, я не отключаюсь, минут через десять буду.

- Да что там происходит?!

- Никто пока не знает, Вера. Кто-то из девочек кричал. И звал на помощь.

- Кричал?..

- Алине звони!

Роняю телефон из трясущихся пальцев, поднимая, как назло заедает отпечаток пальцев. Пытаюсь вспомнить число-

вой пароль, который знаю прекрасно, но от шока он вдруг неожиданно вылетает из головы.

Чуть не плача, закрываю глаза, пытаюсь сконцентрироваться.

- Вера!

- Сейчас... Сейчас...

Пальцы кое-как вспоминают без участия мозга эти цифры.

Алинка долго не берет трубку.

- Да?... - сонно.

- Алина! Что у вас случилось?!

- Чо?..

- Кто кричал?! - рявкаю я.

- Эм... Кто?

- Где Ира??

- Ирыч! Ир!! Ира, мама зовет! - нервно.

И я практически выдыхаю. Они живы, все хорошо!

Но Ира трубку не берет.

- Алина?..

- Ма-а-ам! Ее нет...

- Иры нет в доме! - передаю Добрыне.

- Три минуты! - комментирует он.

- Алина, ты не слышала, как она кричала?!

- Я в наушниках уснула... - виновато. - Я на улице сейчас посмотрю!

- Нет! - рявкает Добрыня. - Сиди дома! Там Спасатели уже

подъехали.

Мы тормозим рядом со служебной машиной, чуть не врежаясь в неё, я вылетаю быстрее Добрыни, бежим вместе во двор.

Там грозный собачий лай.

Барс в ярости рвется с цепи на Спасателей. Они поливают его водой, пытаюсь оттеснить от вольера. Но он упрямо не пускает туда, отряхиваясь от воды и злясь ещё сильнее.

- Стоп! Стоп! - кричит Добрыня. - Он ребенка защищает! Он дрессирован так!

- Ира! - вскрикиваю я от ужаса.

В угол вольера забила. Рыдает, сжавшись.

Добрыня ловит меня, не позволяя побежать к ней, всовывает в руки кому-то из спасателей.

Барс мечется, словно ища поддержки у Добрыни.

Он подхватывает Иру на руки, прижимая к себе.

- Ты ранена?!

- Не-е-ет! - рыдает она.

Барс, прижимаясь к бедру хозяина скалится в нашу сторону.

Нюхает сапожок Иринки.

Я вся сжимаюсь.

- Барс, фу.

Отстраняя от себя горько всхлипывающую Иринку, спрашивает:

- Не потоптал тебя?

Ира отрицательно крутит головой.

Мои колени становятся мягкими, и я бы грохнулась сейчас в обморок, но нельзя.

- Все нормально, мужики, ребенок целый.

Осматривается.

- В дом быстро! - строго рявкает на выскочившую раздетой Алинку.

Выпучив глаза, она послушно залетает закрывая за собой дверь.

Пытаюсь забрать у Добрыни дочку, но он не отдает.

- Ты как в вольер попала, м? - пытается ее.

- В-в-вот... - заикаясь распахивает куртку.

Там тощий облезлый котенок... Шея у Иринки поцарапана до крови, вся кофточка подрана.

- Чуть не шьел его, - горестно вздыхает она.

- У-у-у... - осуждающе гудят спасатели.

- За крысеныша принял, наверное, - качает Добрыня головой. - Так-то он кошек гоняет конечно, но не давит.

- Я его схватила, а он на меня как начал лаять! И не выpusкал!

- Но не тронул?

- М-м, - мычит отрицательно.

Губешки дрожат, лицо пятнами.

- Ох ты, горе луковое. Спасательница... Конец света отменяется! Так, "мама", - отдает мне наконец Иринку, ставя на ноги, - иди объясняй ребенку ТБ по собакам и кошкам.

Потому что я, только леща могу сейчас выдать. А я людей пока отпущу. Нам надо как-то "безопасно" для опеки вызов оформить.

- Ира! Ну ты с ума сошла к чужой собаке в вольер?? - начинаю всхлипывать я от ужаса. - Это хорошо, что не тронул!

- Жагрыж бы котика-а-а! - начинает снова плакать, стуча зубами от холода.

Обнимаю ее.

- А двоих бы загрыз, легче бы стало котiku твоему?! Никогда не делай так больше! Слышишь??

- Шлышу... - жалобно всхлипывает.

Распахиваю ее куртку, страдальчески закатывая глаза.

- Блохастый, грязный...

И очень несчастный! Жалобно орет, тараща глаза.

- Ну и што! Он не виноват! Его надо оштавить, - шмыгает носом.

- Мы не можем его оставить, малыш, - веду ее в дом, - мы сами в гостях.

Вырывает руку, бежит к Добрыне, прижимается к нему сбоку, пока он жмёт руки коллегам.

Он на автомате кладет ладонь ей на голову, поверх шапки.

И, прилипнув к нему, она идёт за ним, сначала закрывать ворота, потом обратно.

Он опускает на нее взгляд.

- Что - хулиганка? Наделала делов?..

- Его надо оштавить... - сводит брови, жалобно всхлипы-

вая. - Пожалуйста! Мама не разрешает... Говорит, мы шами в гоштях.

- Ну чо там, показывай... - присаживается перед ней.

О чем-то тихо говорят.

Я с жалостью смотрю на трясущегося мокрого Барса. На улице подмораживает...

- Ну всё, - Добрыня поднимается. - Теперь иди и ингибируй...

- Что? - хлопает она глазами.

- Обратный захват серотонина ингибируй иди, говорю.

Иринка всовывает руку в его огромную пятерню. Идут ко мне вместе.

- В общем, если уж я разрешил поверх твоей головы, то кот будет мой, - ставит меня перед фактом. - А пока маленький, пусть Иринка с ним нянчится. Как назовем?

- Першик. Он рожовенький.

Где она увидела розовый под слоем серой грязи - вопрос.

- Перс, короче. Нормально... - одобряет Добрыня.

Зареванная, но довольная, Иринка победоносно несёт котенка домой.

Пока я отмываю в теплом душе сначала Иринку, потом нового нашего жителя - Персика, Добрыня в прихожей сушит феном Барса.

И я этого пса уже практически люблю как родного. Потому что - не тронул... Хотя кошка - это такое искушение!

Алинка, брезгливо приняв в старом полотенце "крысёны-

ша", кормит его молоком.

- Ну ты и криповенький... - скептически разглядывает его. Обрабатываю йодом шею Иринки под ее тихий вой. Обычно она терпеливая, но видимо, стрессанула...

Укутываю в одеяло.

Уставшая и сдувшаяся после такого экшена, я тихо сажусь на ступеньку. И слепо смотрю вперед.

Вот тебе и банкет с Добрыней. А всего-то хотела ещё разок покрасоваться перед ним в платье... А мне в нем, если честно, кроме как их себя и выйти то некуда.

Платье мое и волосы теперь намокли, тушь потекла. "Криповенько", наверное.

Добрыня садится рядом.

- Всё нормально... - приобнимая, растирает по-дружески мое плечо. - Все живы и почти здоровы.

Пёс, прижав уши лежит в проёме между прихожей и гостиной, греется на теплом полу. Подозрительно косится на котенка.

- Знаешь, мне иногда кажется, что Анатолий прав. И мне нельзя доверять детей. И есть такие трешовые моменты... что я бы может и отдала их ему, ради их безопасности. Если бы он не делал их такими несчастными, как обычно делает всех. Я отвратительная мать...

- То есть, ты искренне считаешь, что находясь под опекой этого гно... Анатолия, Иринка не понеслась бы спасать котенка от собаки?

- Боюсь, что понеслась бы.

- А в чем ты тогда хуже как родитель?

- Я не знаю. Может быть потому, что он предусмотрел бы это и силой организовал бы ей безопасное пространство.

- Попросту - запер?

- Угу...

- Но, случись тогда пожар, она бы даже выбежать не смогла. Хреновое решение.

- Значит, надавил бы ей так на психику, что она боялась бы выйти. Может быть, я хуже, потому, что я не знаю, как внушить ей, что так делать нельзя.

- Так, а чего же отец не внушил? Для этого совсем не обязательно отбирать их у тебя. Он же не перестает быть папой, если дети с тобой. Техника безопасности - это компетенция отца, а не матери.

Вздыхаю. Анатолий больше любит спрашивать с меня за детей, чем участвовать в чем-то, что их касается. Типа - развелась, теперь справляйся сама. А он контрольный и карательный орган. Только и ждёт очередного моего фиаско.

И если пробить мою психику на счёт меня самой у него давно не получается, то по поводу детей каждый раз чувствую вину.

- Не переживай. Поговорю с ней об этом.

- Спасибо! - с благодарностью сжимаю его руку. - Но вот видишь как всё? И так всегда. У других ведь нет такого. Мне так неловко, что мы опять создали тебе проблем...

- Я тебя умоляю... - скептически вздыхает.

А потом Добрыне звонят по очереди коллеги с банкета, интересуясь - все ли в порядке и что это было.

И он, словно забывшись, прижимает меня к себе за плечо и успокаивающе гладит, водя пальцами вверх-вниз, пока общается по телефону.

И меня так давно искренне не обнимали, не оправдывали и не жалели, что я зачем-то кладу голову ему на плечо.

- Вам чаю сделать? - косится на нас Алина.

Безэмоционально киваю ей.

- Мам... Ма-а-ам... - тихо прокашливается она.

- М? - поднимаю усталый взгляд.

Играя бровями, многозначительно стреляет взглядом мне в декольте.

Смотрю вниз.

О, боги бровей, груди и других частей тела! Все просвечивает насквозь.

Надо было надевать белье с поролоновыми вкладками! Но они делают мою огромную грудь ещё на размер больше... И я не решилась. Кто же знал, что промокну??

Ладонь Добрыни с моего плеча соскальзывает на ключицу. Ощупывает ее через ткань пальцами.

На секунду отвлекаясь от телефона, вжимается мне губами в ухо.

- Мокрая вся... - шепчет.

Зажмуриваюсь от слишком острого ощущения, забывая

вдохнуть. Его мягкая щетина скользит по моим до неприличия чувствительным местам.

Между бедер судорожно сводит.

И я все мокрая - да, от этого прикосновения и низкого мужского шепота.

- ...Простынешь... Переодеться немедленно... - скользят его губы, запуская мурашки по шее.

Это так интимно, как у меня в сексе с мужем и не было никогда!

А он как ни в чем не бывало, продолжает разговор по телефону.

Пряча глаза от детей, поспешно сбегаю в свою комнату.

Срываю мокрое платье. Переодеваюсь в свой безразмерный "скафандр".

Вот... И снова чувствую себя непривлекательной и бесполой. В безопасности от мужского внимания.

Это я такие начала носить, чтобы Анатолий меня меньше замечал и прикладывал своей критикой.

Разглядываю себя в зеркало.

Мда... И хочется руки на себя наложить... большие такие... мужские. Конкретные.

Вытаскиваю давным давно купленный на маркетплейсе бархатный халат впол с широким поясом типа карсета, подчеркивающим формы. Глубокого синего цвета. И... прячу обратно.

Глупо это! У него ведь женщина есть... Мне до нее как до

луны. Хоть в халате, хоть без.

Собрав волосы в привычную гульку, иду пить чай...

Глава 18 - Семейное утро

Зевая, надеваю поглубже капюшон. Прохладно.

Выползаю из комнаты. Мне всегда тяжело вставать с утра, потому что пишу я часов до двух, когда все уже улягутся. А иногда и до трех-четырех...

У Добрыни сегодня отсыпной. Я попросила детей его не будить. И сама встала пораньше, чтобы покормить их и собрать в школу.

Но из гостиной уже голоса. Проснулся...

Он уходит на работу обычно раньше, чем мы все встаём. Наверное, его поднял привычный режим.

- Не пойду сегодня в школу! - упрямится и капризничает Мирон.

- Разговорчики в строю! Быстро собираться.

- Не пойду.

- Мирон... - строго. - Без повода мы не пропускаем. Ты взрослый парень, должен понимать, что у нас могут быть проблемы с опекой.

- Доброе утро, - выхожу к ним.

- Доброе, Верочка... Пойдем отжиматься? - спрашивает у Мирона.

- Не пойду...

- Как хочешь. Яр, за мной...

Скинув футболки, с голыми торсами уходят на улицу.

Ого... как всё brutally!

В ступоре провожаю их взглядом.

Яр - копия отца по телосложению, такой же широкоплечий и походка - один в один. Но на пол головы пока ниже и худощавый.

Мирон наливает себе молока в подушечки с шоколадом.

И угрюмо насупившись ест.

- А ты чего такой грустный, зайка? - глажу его по голове.

- Ничо... - дёргает головой, уворачиваясь.

- Хочешь, я тебе бутер с плавленным сыром сделаю?

- Нет...

Через несколько секунд передумывает.

- Хочу...

- А хлебушек обжарить с двух сторон?

- Да... - обиженно.

Бужу своих девчонок.

Обжариваю для всех гренки и на ещё раскаленные кладу по тонкому пластику сыра.

Ставлю с чаем перед Мироном.

- А в школу почему не хочешь?

- Там сегодня все будут мам поздравлять на последнем у'гоке. Не хочу...

- М-м... - сжимается мое сердце. - А... можно я приду? А то Ира сегодня дома остаётся. И меня никто не поздравит.

- Нет... - ворчит. - Ты не моя мама.

- Ладно. Тогда я могу забрать тебя пораньше. До поздрав-

ления. Забрать?

Кивает.

Глажу ещё раз по голове. В этот раз не уворачивается.

Завтракаем...

- Мам... Можно, я в поход с ночёвкой пойду со своим бывшим классом? - спрашивает Алина.

- Ни в коем случае! - вперёд меня отвечает Добрыня.

- Мам! - возмущённо распахивает глаза Алинка.

Задумчиво замираю.

- Вера, не вздумай отпустить.

- Да почему?! - жалобно сводит брови дочь.

- Во-первых, на улице минусовая температура. Это обморожения. Во-вторых, в зимних походах подростки согреваются двумя способами, оба - восемнадцать плюс.

- Да, мам! Какие восемнадцать?!

- Градус и кекс, - дёргает бровями Добрыня.

- О, нет-нет! - машу руками. - Я не готова ни к обморожениям, ни к восемнадцати плюс. Никаких походов, Алина.

- Вот, не люблю тебя опять, Добрыня Никитич! - надувается на него Алина.

- Это нормально... - философски изрекает он. - Я в твоём возрасте тоже всех не любил.

Ярик провокационно и ядовито улыбается Алине:

- А я со своим пойду.

- Будешь выделяться - нет, - осаживает его Добрыня.

- Опаздываете! - хлопаю слегка ладонями по столу, чтобы

не развивать тему и череду ругани между детьми.

Дети уходят в школу сами.

- Забе'гёшь? - тихо уточняет у меня Мирон, выходя последним.

Заговорщицки положительно моргаю ему.

Спускается наша простывшая героиня со своим спасённым Персиком на руках.

- Вшем не ждраште! - здоровается она недовольно.

Забирает последний бутерброд с тарелки.

- Горло болит?

- Да...

Грею ей и котенку молоко.

- Вер... - двигает мне по столу свой телефон Добрыня.

Там Афиша "Чужой: Ромул". Я играю в Чужого... он видел. И вообще обожаю эту франшизу.

- Вау! - вздыхаю я.

- Пойдем по-братски? Одному неинтересно.

Не любит твоя барышня такое?

- Завтра последний день проката. Надо решаться быстро, Вер. Идём?

- Фу-у-у... - заглядывает Иринка в экран.

- Пойдем, - решаюсь я.

И в груди трепещет так, словно на свидание пригласил. И я уже думаю, что надеть, кроме платья.

А кроме платья и уютных балахонистых костюмом у меня ничего и нет. Хотя... У меня целый пакет купленных "на бу-

дущее" вещей. "На когда" ты станешь хуже, увереннее в себе и пройдешь курс каких-нибудь супер-процедур, которые сделают тебя такой красивой как раньше!

А потому - ни разу не надетых.

Может, что-то там поискать?

С другой стороны... Понятно, что не на свидание... Но могу я помечтать?

- Слушай, билеты только на сейчас, увы. На завтра уже разобрали, - с досадой. - А вечером у меня неотложное дело .

Свидание с Аделиной?

В груди сводит неприятным токсичным чувством.

Какое тебе дело, Вера?

Дружите - и отлично. Ты все равно не готова на отношения. Это правда. Я совсем не готова.

- Точнее - на сколько сеанс? Просто через час Иринку бабушка заберёт до вечера. И мы могли бы успеть...

- Успеваем, да!

Составляем вместе посуду в посудомойку.

Я очень просила Анатолия купить мне такую. Но его мама была категорически против. Дома же сижу, руки есть посуду помыть, а то совсем обленюсь!

А на съёмную квартиру покупать особого смысла не было. Мы чаще заказывали, чем готовили.

Добрыня показывает как включать. Наши пальцы пару раз неловко встречаются на сенсорных кнопках.

- Не хочу к бабушке... - канючит Иринка. - Можно я с

Першиком пошижу дома?

- Нет! - хором выпаливаем мы.

- Бабушка обидится, Ириш, - вздыхаю я. - Она и так месяц не может тебя забрать.

- Пусть обижаютша!

- Нельзя так с бабушками, - качает ей строго пальцем Добрыня.

- Иди, доча, собирайся.

Выпотрошив большой пакет с вещами "на будущее" критично осматриваю каждую.

Какая дура это покупала?!

Среди откровенно неподходящих мне вещей выбираю брючный комбинезон насыщенного изумрудного цвета, с брючинами в пол.

Примеряю.

На удивление - сходится на мне.

Но так вызывающе - ужас.

В голове сразу же звучать проповеди свекрови и Анатолія. Что мать и жена должна выбирать модели и цвета поскромнее. И только назло этим голосам, я решаюсь на этот вычурный комбез. Надеюсь, Добрыня не так строг в своих вкусах!

Делаю нюдовый макияж "от Алинки", стараясь не вызвать нечаянно богов бровей. А потом - единственную прическу, которую освоила на себе помимо гульки - французскую косу.

Надеваю тщательно отмытые мои любимые сапоги на каб-

луках.

Смотрю в зеркало.

- Это не я!

Я в этом чувствую себя, как курица примерившая павлиний хвост! Он конечно прекрасен, но носить его неловко и неуклюже.

- Мне не идёт, да? - бормочу я расстроенно.

И практически решаюсь все это снять, как слышу из гостиной недовольный голос свекрови.

- А-а-а!! - подпрыгиваю на месте от ужаса.

Ты зачем ее пустил?! Боже...

Глава 19 - Мальбертовна

- Ирина Альбертовна, - представляется бабушка.

И я сразу же отдуплюю, что это не Верина мать, а мать гнома. Сходство налицо.

Карие шныряющие глаза. И такое же недовольное выражение, но уже на женском обрюзгшем лице. Морщины начинающиеся в уголках рта, скорбно обрамляют подбородок. Нос длинный...

Неприятная дама. Но... бабушка!

- Добрыня Никитич, - представляют я.

- Шутите, молодой человек? Я шуток не понимаю.

- Никак нет.

- Имя какое у вас странное. Родители придумают глупые имена, дети всю жизнь потом мучаются. Старшую вот Алиной без спроса назвала. Что за имя такое - Алина. Нерусское какое-то. С младшей уж мы не позволили...

- М-м... - понимающе мычу я провожая ее в дом. - Поня-я-ятно.

Младшая, значит, в честь бабки?

Неприятная - не то слово!

- Готовит хоть что-нибудь она? Или так и кормит детей подножным кормом?

Мне кажется, она даже не со мной говорит, а больше сама с собой. Потому что, ответов она не ждёт.

- Она сразу такая ленивая была. Девочек и до двух лет грудью не докормила. Мать! - скептически. - Я своего сыночка до четырех с половиной кормила ради иммунитета. И зубы и волосы потеряла. Все для него...

- Я-я-ясно... - дёргаю бровями, слегка охуевая.

- А я, чтобы дитя хорошо кормить, уже после его рождения пошла на повара учиться, не поделилась сменить специальность. Хоть и трудно было! Работала потом в шикарном ресторане. Люди меня по имени знали, презенты носили. А как Алина в школу пошла, в

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.